А 6610

19 Февраля 1861 г. - 19 Февраля 1936 г.

Торжественное Собраніе

въ память

75-лѣтъ со дня Освобожденія

Крестьянъ

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 С[illegible] Л
им. В. И. Ленина
84-1986

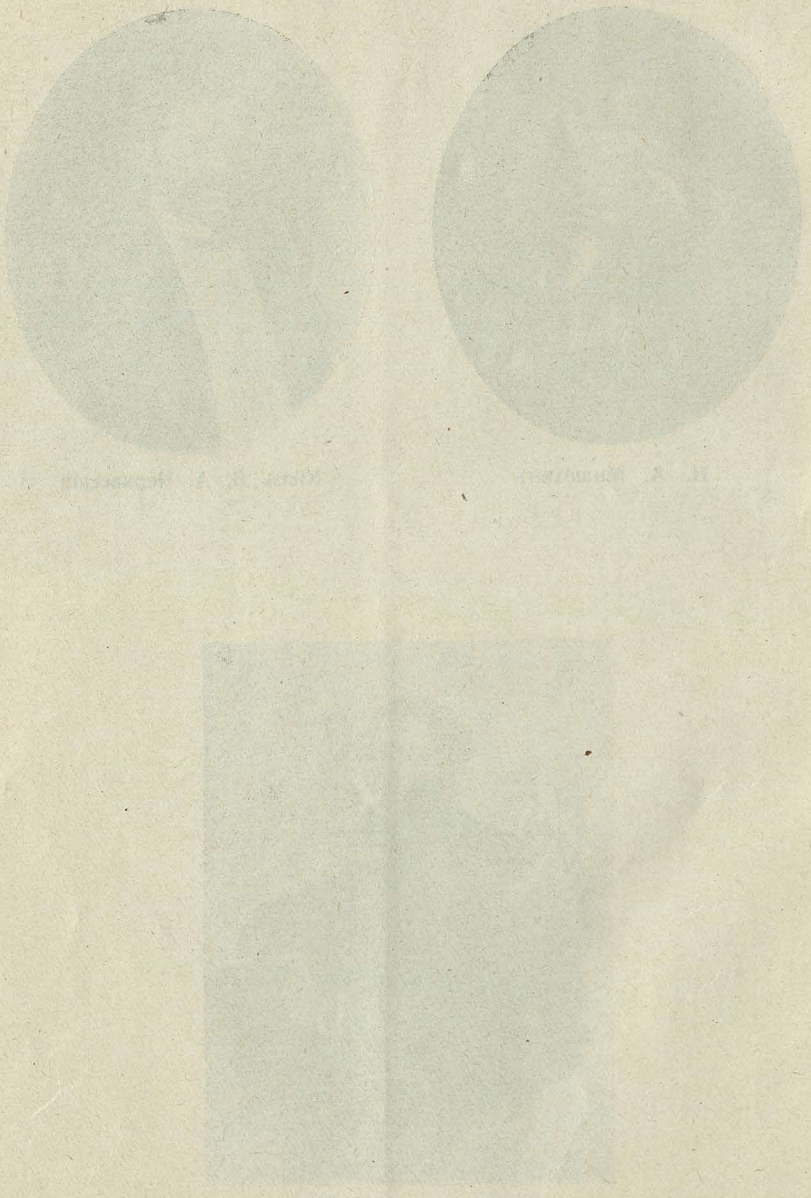
ПАРИЖЪ 1936 г.

ИЗДАНІЕ СОЮЗА РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ

56634

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

«И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ».

Ф. А. Кони

1-го марта 1936 года въ залѣ Жанъ-Гужонъ въ Парижѣ, по иниціативѣ Союза Русскихъ Дворянъ было устроено Торжественное Собраніе въ память 75 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ.

Въ устройствѣ этого собранія приняли участіе кромѣ Союза Русскихъ Дворянъ: Русскій Обще-Воинскій Союзъ, Военно-Морской Союзъ, Зарубежный Союзъ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, Россійское Центральное Объединеніе, Торгово-Промышленный и Финансовый Союзъ, Высшій Монархическій Совѣтъ, Союзъ Судебныхъ Дѣятелей, Союзъ Адвокатовъ, Академическая группа, Земскій Союзъ, Объединеніе бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго Лицея, Объединеніе бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, Національный Союзъ Новаго Поколѣнія, Союзъ Имперцевъ, Краевой Союзъ Русскаго Сокольства во Франціи и Патріотическая организація Юныхъ Добровольцевъ полковника В. А. Богуславскаго. Эстрада была убрана національными флагами. Посреди нихъ былъ помѣщенъ большой портретъ Царя Освободителя.

Собраніе прошло съ чрезвычайнымъ подъемомъ. Началось оно съ краткаго вступительнаго слова предсѣдателя, Князя В. П. Трубецкого, предложившаго собранію до заслушанія рѣчей помолиться объ упокоеніи душъ тѣхъ, по чьей волѣ и чьими трудами осуществилась поминаемая реформа. Владыка Митрополитъ Евлогій отслужилъ литію по Государѣ Александрѣ II и всѣмъ потрудившимся въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и сказалъ слово. Пѣлъ хоръ Русской церкви въ Кламарѣ въ составѣ: А. М. Осоргиной, М. М. Осоргиной, С. Н. Осоргиной, Кн. М. Н. Трубецкой, Кн. С. Н. Гагарина, Гр. Н. К. Ламздорфъ-Галаганъ, С. М. Осоргина и С. А. Ревишина.

Послѣ этого собраніе возобновилось и съ рѣчами выступили: Графъ П. К. Ламздорфъ-Галаганъ на тему «Роль Монархіи и русскаго общества въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ».

Генералъ А. Гулевичъ: «Армія и Крѣпостное право». И. И. Тхоржевскій — «Судьба крестьянской реформы» и профессоръ М. В.

Бернацкій — «Историческій смыслъ русской освободительной реформы».

Въ заключеніе квартетъ профессора Н. Н. Кедрова въ составѣ И. К. Денисова, Г. Ф. Казакова, Н. Н. Кедрова и К. Е. Кайданова исполнилъ Славу.

Всѣ рѣчи и настроенія ораторовъ произвели глубокое впечатлѣніе на аудиторію, ярко и сильно воскресивъ въ ея сознаніи свѣтлыя устремленія и идеологію освободительной эпохи въ отличіе отъ темнаго настоящаго въ жизни Россіи. Въ виду этого, идя навстрѣчу общему желанію организаторы собранія рѣшили запечатлѣть это въ настоящемъ сборникѣ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСѢДАТЕЛЯ СОБРАНІЯ КНЯЗЯ В. П. ТРУБЕЦКОГО

Мы собрались сегодня помянуть 19 февраля 1861 года. Такъ много свѣтлаго и благороднаго въ жизни нашей Родины связано съ этимъ днемъ. Столь многое измѣнилось въ русской жизни, благодаря этой реформѣ и послѣдующимъ за нею, что намъ слѣдуетъ помянуть съ ней и тѣхъ, кому мы ею обязаны.

Уже задолго до 60-хъ годовъ въ чаяніяхъ лучшихъ русскихъ людей жила надежда на осуществленіе этого великаго дѣла. Еще Пушкинъ говорилъ — «Увижу ли, друзья, народъ неугнетенный и рабство падшее по манію Царя и надъ Отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»

Въ жизни народовъ бываютъ періоды, когда въ результатѣ законодательныхъ преобразованій, не только кореннымъ образомъ мѣняются внѣшнія формы жизни, но и самый моральный обликъ народа. 60-ые годы истекшаго столѣтія, такъ же, какъ эпоха реформъ Великаго Петра, были годами коренныхъ видоизмѣненій всей жизни Россіи. Я не буду говорить объ измѣненіи самыхъ формъ этой жизни, о чемъ будутъ говорить послѣдующіе ораторы: мнѣ въ моемъ краткомъ вступительномъ словѣ хочется оттѣнить и отмѣтить моральное вліяніе этихъ реформъ на всю русскую жизнь. Мнѣ представляется, что главнымъ слѣдствіемъ этихъ преобразованій въ русской жизни было облагораживаніе человѣческой личности. Реформы этого свѣтлаго времени побуждали всѣ слои русскаго общества къ осознанію въ себѣ гражданственности. На смѣну усмотрѣнію и произволу въ дореформенной Россіи — стали внѣдряться и укрѣпляться въ сознаніи чувства законности и независимости. Мздоимство, столь ярко изображенное Гоголемъ, смѣнилось неподкупностью и, наконецъ, для ликвидаціи темныхъ сторонъ крѣпостныхъ взаимоотношеній и быта родился въ лучшихъ слояхъ русскаго культурнаго общества порывъ идти служить освобожденному крестьянству для мирнаго и справедливаго разрѣшенія и размежеванія его интересовъ съ интересами прежняго владѣльца. Порывъ этотъ осуществился мировыми посредниками. Эта жажда жертвеннаго, безкорыстнаго и идейнаго служенія Россіи ярко характеризуетъ облагораживающее вліяніе поминаемой эпохи. Оно было столь сильно, что я не преу-

величу, если буду утверждать, что до самой революціи вліяніе это сохранилось. За рѣдкими и малыми исключеніями русская администрація, русскій судъ и русская общественность прониклись идеей просвѣщеннаго идеализма и работали съ чувствомъ долга и отвѣтственности передъ Родиной, всемѣрно стремясь защищать и утверждать законность. Всѣ реформы этой эпохи русской жизни — реформа суда, мѣстнаго самоуправленія, такъ же, какъ и главная — крестьянская, явились слѣдствіемъ воли Россійскихъ Государей, сознавшихъ практическую и идейную необходимость ихъ осуществленія. Государь призвалъ Россійское Дворянство къ законодательному оформленію и проведенію въ жизнь его предначертаній. Въ Высочайшемъ Манифестѣ 19-го февраля 1861 года говорится: «Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣстной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположеніе о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, причемъ дворянамъ предложено ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе наше оправдалось — полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній.

Прошло 75 лѣтъ съ того дня, когда отъ Тихаго Океана до Бѣлаго и Чернаго морей, по необозримымъ пространствамъ земель русскихъ несся благовѣстъ и народъ сосредоточенно и трепетно шелъ въ храмы Божіи помолиться за Царя, давшаго волю и выслушать этотъ его Манифестъ, несшій съ собой новую, невѣдомую ему жизнь.

Такое великое событіе въ русской жизни казалось намъ невозможнымъ обойти молчаніемъ и какъ 75 лѣтъ тому назадъ національное и государственно мыслящее русское общество приняло активное участіе въ его осуществленіи, такъ и теперь русскія общественныя организаціи считаютъ своимъ долгомъ помянуть эту великую реформу, которая навсегда останется свѣтлымъ мѣстомъ въ исторіи Русской Монархіи и русскаго общества.

СЛОВО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГІЯ

Сегодня мы молитвенно вспоминаемъ нашего славнаго Царя Освободителя и его великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Быть можетъ, ни одна государственная реформа не запечатлѣлась такъ глубоко въ душѣ и жизни народной и не окружена столь свѣтлымъ ореоломъ, какъ эта.

Я и мои сверстники по возрасту являемся почти современниками этой реформы — мы появились на свѣтъ въ первые годы послѣ нея и по воспоминаніямъ своего дѣтства я живо помню, какъ она свято и горячо чтилась и какъ владѣла душами въ это время «золотая грамота» о волѣ народной, какъ расцвѣчивалась, разукрашалась она народнымъ воображеніемъ и становилась даже легендарной. Она увлекала и волновала умы, о ней горячо толковали и въ семьѣ и въ школѣ и въ обществѣ, ее изучали съ первыми начатками грамотности. Одинъ русскій поэтъ художественно начерталъ трогательную картину, какъ въ крестьянской хатѣ, при свѣтѣ ночного огонька, при всеобщемъ напряженіи и благоговѣйномъ вниманіи «съ трудомъ отъ слова къ слову пальчикомъ водя, по печатному читаетъ мужичкамъ дитя про желанную свободу — дорогую вѣсть» (Майковъ).

Помню также я, какъ мы сами въ начальной школѣ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ распѣвали гимнъ этой свободѣ: «Ахъ ты воля, моя воля, золотая ты моя, воля соколъ поднебесный, воля свѣтлая заря; знать горячая молитва долетѣла до Царя». Да, въ молитвѣ зачинался и съ молитвой давался этотъ великій актъ свободы народной.

Мы помнимъ другую, не менѣе трогательную картину русскаго художника: какъ Царь Освободитель, наканунѣ этого событія, въ благоговѣйной молитвѣ склонился надъ гробомъ своего Отца, прося у него благословенія на это дѣяніе. Глубоко религіозно, именно молитвенно воспринялъ и народъ эту вѣсть о свободѣ, какъ милость Бога и Его Помазанника — Царя. Не даромъ знаменитый Манифестъ 19-го февраля, начертанный, какъ говорятъ, рукой московскаго Златоуста — Митрополита Филарета, начинается религіознымъ мотивомъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный русскій народъ и призови Божіе благословеніе на свой свободный трудъ».

+ Не с тобой-ли ты спускался,
Не восемь-ли вверху я?

Осуществилось въ этомъ актѣ пророческое пророченіе другого русскаго поэта (Жуковскаго), сказанное при рожденіи порфиророднаго Младенца: «Да на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій — человѣкъ».

Да, въ этомъ актѣ не былъ забытъ, но получилъ свободу именно человѣкъ, раскрѣпостились живыя, человѣческія души христіанскія, по природѣ свободныя, богоподобныя, за свободу которыхъ Христосъ взошелъ на Голгофу и претерпѣлъ крестную смерть. И въ этомъ великое, духовное, религіозно-нравственное значеніе акта 19 февраля 1861 года, помимо его значенія экономическаго, соціальнаго и культурнаго.

И за это да будетъ навѣки священно, незабвенно и благословенно свѣтлое имя русскаго Царя-Освободителя Императора Александра II-го, который свершивши свои славныя дѣянія также взошелъ на свою Голгофу и увѣнчалъ главу вѣнцомъ Христіанскаго Мученича.

Аминь.

Рѣчь Графа П. К. Ламздорфъ-Галагана.

РОЛЬ МОНАРХІИ И ОБЩЕСТВА ВЪ ДѢЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Эти чудныя слова раздались съ высоты Россійскаго Императорскаго Престола 75 лѣтъ тому назадъ, въ то счастливое время, когда Россіей правила Національная Власть въ лицѣ Православнаго Царя, а русскій народъ могъ безбоязненно начинать дѣло съ молитвы.

Не знаю, будетъ ли отмѣчена сегодняшняя годовщина тѣми, кто еще такъ недавно, на глазахъ нашихъ и всего міра, **закрѣпостилъ** вновь русскаго крестьянина? Но эмиграція — эта живая связь съ минувшимъ и, въ огромномъ своемъ большинствѣ, хранительница лучшихъ завѣтовъ прошлаго, не можетъ не почтить священныя имена тѣхъ, кто три четверти вѣка назадъ **освободилъ** русскихъ крестьянъ. Дворянство, какъ часть Національной эмиграціи, въ особенности обязано это сдѣлать, ибо нѣтъ въ исторіи нашего сословія страницы болѣе свѣтлой и болѣе славной, чѣмъ та, которую вписали въ нее наши предки своимъ дѣйственнымъ и жертвеннымъ участіемъ въ великой освободительной реформѣ 1861 г.

Было бы непростительнымъ искаженіемъ исторической правды объяснять упраздненіе крѣпостного права одними лишь идеологическими побужденіями — великодушіемъ Монарха и жертвенностью дворянства.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ причинъ — политическихъ, финансовыхъ, экономическихъ и военныхъ — властно требовали обновленія государственнаго строя Россіи и, въ первую очередь, уничтоженія первопричины всѣхъ золъ — крѣпостной неволи. Безсмертная и незабываемая заслуга Царя Освободителя и Его сотрудниковъ была въ томъ, что они сумѣли оцѣнить громадную государственную важность этихъ причинъ и со смѣлой рѣшимостью пошли навстрѣчу требованіямъ жизни.

Съ другой стороны, было бы большою несправедливостью зано-

сить дѣло освобожденія крестьянъ въ активъ **одного** лишь царствованія и **одного** только поколѣнія; судьба крестьянства всегда составляла предметъ заботъ русскихъ Императоровъ и той просвѣщеннѣйшей части нашего общества, которая въ 18-мъ и первой половинѣ 19-го вѣка была представлена почти исключительно дворянствомъ.

Еще Великій Петръ въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ, на ходу и на клочкахъ бумаги набросанныхъ указовъ, запретилъ продавать крѣпостныхъ людей по одиночкѣ, отдѣльно отъ ихъ семей, «чего во всемъ свѣтѣ не водится».

Императрица Екатерина II поручила разрѣшеніе крестьянской проблемы Комиссіи по составленію новаго Уложенія, но, какъ многое въ этомъ блестящемъ царствованіи, широко задуманное преобразованіе не вышло за предѣлы теоретическаго обсужденія. Однако, самая постановка этого вопроса на очередь, пробудила вниманіе тогдашняго образованнаго общества къ подневольному крестьянству и голоса Новиковыхъ и Радищевыхъ, хотя еще и одинокіе, звучали уже громко и убѣдительно.

Императоръ Павелъ I пошелъ въ этомъ отношеніи гораздо далѣе своей геніальной Матери и своего великаго Прадѣда: его благодѣтельный законъ о «трехдневной барщинѣ», ограничивавшій обязательный трудъ крѣпостныхъ въ пользу помѣщика тремя днями въ недѣлю, не только внесъ значительное улучшеніе въ положеніе крѣпостного крестьянства, но и былъ первымъ серьезнымъ шагомъ къ его освобожденію.

«Дней Александровыхъ счастливое начало», овѣянное духомъ истиннаго идеализма и столь богатое преобразовательными начинаніями не могло не ознаменоваться особенной заботой объ упраздненіи крѣпостной зависимости. Любопытно, что наиболѣе либеральный изъ представленныхъ по этому предмету проектовъ и единственный, предусматривавшій освобожденіе крестьянъ **съ землею**, былъ подписанъ въ качествѣ автора Графомъ А. А. Аракчеевымъ, впослѣдствіи недоброй памяти основателемъ военныхъ поселеній. Войны съ Наполеономъ, а затѣмъ событія внутренняго порядка помѣшали Императору Александру I осуществить задуманную реформу; однако, отъ законодательныхъ работъ Его Царствованія остался все же слѣдъ, въ видѣ закона 1803 года о «вольныхъ хлѣбопашцахъ», предусматривавшій **добровольный** отпускъ помѣщиками своихъ крестьянъ на волю, какъ отдѣльными дворами, такъ и цѣлыми селеніями.

Тѣмъ временемъ идея освобожденія крестьянъ неудержимо распространялась на верхахъ русскаго общества, захватывая наиболѣе передовые элементы тогдашней дворянской молодежи. Нашъ величайшій поэтъ съ геніальной проникновенностью выразилъ чаянія своихъ современниковъ и единомышленниковъ въ слѣдующемъ, истинно пророческомъ стихѣ:

«Увижу ли, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, павшее по манію Царя?»

Все царствованіе Императора Николая I, въ особенности же первая его половина, прошло въ дѣятельной подготовкѣ освобожденія крестьянъ. Изъ законодательныхъ актовъ того времени особенно замѣчателенъ Указъ 2-го апрѣля 1842 года, изданный въ развитіе и дополненіе упомянутаго уже закона 1803 года о «вольныхъ хлѣбопашцахъ». Согласно этому Указу помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлялось, по обоюдному соглашенію, замѣнять крѣпостныя отношенія договорными: помѣщикъ, сохраняя право собственности на всю землю своего имѣнія, надѣлялъ ею крестьянъ, которые автоматически переставали быть крѣпостными и обязывались за то отбывать въ пользу владѣльца установленныя повинности. Практическія послѣдствія Указа 1842 г., такъ же какъ и закона 1803 г. были весьма невелики, очевидно, по причинѣ факультативнаго ихъ характера, но принципіальное значеніе перваго изъ нихъ было громадно: въ немъ впервые проводился взглядъ на крѣпостныхъ крестьянъ не какъ на частную собственность, а какъ на подданныхъ государства, въ отношеніи котораго они несутъ опредѣленныя обязанности. Крестьянское законодательство Императора Николая I психологически подготовило и сдѣлало возможною великую освободительную реформу послѣдующаго царствованія.

Заканчивая бѣглый обзоръ этого періода, не могу не привести одинъ эпизодъ, ярко характеризующій отношеніе Государя Николая Павловича къ крѣпостному праву.

Во время происходившей у Него въ 1834 году бесѣды съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ Гр. Киселевымъ, котораго Императоръ называлъ своимъ «начальникомъ штаба по крестьянскому вопросу», Государь, указывая на большой шкафъ весь уставленный папками, сказалъ: «здѣсь собраны съ начала Моего царствованія всѣ матеріалы, касающіеся крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ Я твердо рѣшилъ освободить, **когда для этого наступитъ время»**. Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить эту послѣднюю оговорку, показывающую, что по убѣжденію Государя, моментъ для освободительной реформы еще не наступилъ. Почему такой властный Самодержецъ, какимъ былъ Императоръ Николай I, не могъ **немедленно** осуществить то, что Онъ самъ же считалъ необходимымъ? Принято думать, что отвлеченный борьбою съ революціонными теченіями Запада Государь «охладѣлъ» къ занимавшей Его ранѣе мысли о крестьянской реформѣ. Это объясненіе ошибочно уже потому, что не соотвѣтствуетъ характеру Царя-Рыцаря: Императоръ Николай I былъ прежде всего человѣкомъ долга, а такіе люди не охладѣваютъ къ тому, въ чемъ видятъ свой долгъ. Гораздо вѣроятнѣе, что Государя смущалъ крайне неопредѣленный, спорный и щекотливый вопросъ о томъ, кто являлся собственникомъ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, но входившей въ составъ помѣщичьихъ имѣній (такъ называемыя надѣльныя земли). Взгляды по этому предмету безнадежно расходились: помѣщикъ считалъ всю землю своего имѣнія, не исключая и надѣльной, **полною своею собственностью**, крестьяне же крѣпко вѣрили, что земля, которую они и ихъ отцы и дѣды обрабатывали для себя, неотъемлемо принадле-

житъ имъ; «мы — **ваши**, а земля, которая насъ кормитъ — **наша**», такъ опредѣляли крестьяне свое отношеніе къ помѣщику и къ своей надѣльной землѣ. Съ этой земельной **мистикой** у крестьянъ не могло не считаться даже властное правительство Императора Николая. Гдѣ же былъ выходъ изъ этого непримиримаго противорѣчія? Только въ одномъ: помѣстное дворянство должно было **добровольно,** во имя государственной пользы, поступиться не только частью своихъ интересовъ, но, что гораздо труднѣе, — самымъ принципомъ неприкосновенности своихъ правъ на надѣльную землю. Строго лойяльный Государь не считалъ себя вправѣ оказывать какого либо давленія на владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, мысль о неизбѣжности жертвъ, хотя и была уже усвоена отдѣльными представителями крупнаго по преимуществу землевладѣнія, но не успѣла еще проникнуть въ толщу помѣщичьей среды.

Императору Николаю Павэовичу не суждено было дожить до осуществленія своего завѣтнаго желанія.

Знаменательно, что Его Сынъ и Преемникъ, стяжавшій безсмертное имя Царя Освободителя, отнесся съ такою же лойяльностью и бережностью къ правамъ помѣстнаго дворянства. Безповоротное рѣшеніе освободить крестьянъ было принято Имъ уже въ самомъ началѣ Его Царствованія, тотчасъ послѣ заключенія Парижскаго мира. Но такъ же, какъ и Его Родитель, Императоръ Александръ II ждалъ иниціативы дворянства. Это ожиданіе не было обмануто. Въ концѣ 1857 года послѣдовали историческіе всеподданнѣйшіе адресы дворянскихъ обществъ Сѣверо-Западныхъ и С. Петербургской губерній, составившіе какъ бы поворотный пунктъ въ исторіи освобожденія крестьянъ. Потрясенное роковымъ исходомъ Крымской войны и уразумѣвшее причины катастрофы, дворянство сознало свой долгъ передъ Россіей. Одно за другимъ, дворянскія общества различныхъ губерній заявляли Государю о своей готовности принять участіе въ исполненіи Его воли. За каждымъ такимъ заявленіемъ слѣдовало созданіе въ данной губерніи Комитета изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ для составленія проекта намѣченной реформы. Для общаго же руководства дѣломъ былъ учрежденъ еще въ 1856 г. Секретный Комитетъ, переименованный впослѣдствіи въ Главный Комитетъ по улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Такъ, взаимодѣйствіемъ двухъ могучихъ силъ — Державной воли Монарха и доброй воли лучшей части помѣстнаго дворянства — общественное теченіе въ пользу освобожденія крестьянъ превратилось въ широкій и неудержимый потокъ.

17-го февраля 1859 года были образованы Редакціонныя Комиссіи, на долю которыхъ выпалъ огромный трудъ по технической разработкѣ крестьянской реформы. Здѣсь корифеи тогдашней бюрократіи — Николай Милютинъ, Заблоцкій-Десятовскій, Соловьевъ, Николай Семеновъ, Любощинскій — объединились въ живой творческой работѣ съ лучшими представителями помѣщичьяго класса — Юріемъ Федоровичемъ Самаринымъ, Кн. Черкасскимъ, Петромъ Петровичемъ Семеновымъ, А. Н. Татариновымъ, Г. П. Галаганомъ и дру-

гими подъ руководствомъ предсѣдателей Я. Ив. Ростовцева, а затѣмъ графа В. Н. Панина, которые, несмотря на глубокое различіе во взглядахъ на реформу, съ одинаковымъ самоотверженіемъ отдавали свои силы ввѣренному имъ дѣлу. Такую же кипучую дѣятельность проявлялъ и Главный Комитетъ послѣ назначенія его предсѣдателемъ Великаго Князя Константина Николаевича, горячаго и убѣжденнаго сторонника освобожденія. А за ними, ободряя однихъ, воодушевляя другихъ, слѣдила за ходомъ дѣла добрый геній освободительной реформы, незабвенная Великая Княгиня Елена Павловна.

Менѣе чѣмъ въ два года закончили Редакціонныя Комиссіи свою гигантскую работу. Быстро, почти безъ измѣненій прошли составленные имъ проекты общаго и мѣстныхъ положеній черезъ Главный Комитетъ, затѣмъ съ нѣсколько большими затрудненіями черезъ Государственный Совѣтъ и 19-го февраля 1861 года памятный всѣмъ Манифестъ Царя Освободителя возвѣстилъ русскому народу, что крѣпостная неволя перестала существовать въ Россіи!

Великая крестьянская реформа была осуществлена съ тою широтою мысли и съ тѣмъ волевымъ размахомъ, которые свойственны только русской душѣ. Творцы этого преобразованія не дали себя увлечь примѣромъ Остзейскаго дворянства и большинства Западно-Европейскихъ реформаторовъ, которые ограничились дарованіемъ крестьянамъ, такъ называемой «птичьей воли», т. е. освободили ихъ безъ земли и тѣмъ обрекли на неизбѣжное экономическое рабство. Освободители русскаго крестьянства озаботились, прежде всего, обезпеченіемъ послѣдняго достаточнымъ количесвомъ земли съ правомъ выкупа ее въ собственность по истеченіи установленнаго періода обязательныхъ отношеній.

За основаніе земельнаго обезпеченія освобожденнаго крестьянства былъ принятъ размѣръ участковъ, фактически находившихся въ пользованіи крестьянъ къ моменту реформы, причемъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускалось нѣкоторое отступленіе отъ этой нормы въ предѣлахъ максимума и минимума существовавшихъ въ данной мѣстности надѣловъ.

При этомъ составители Положенія 1861 года съ величайшей осторожностью отнеслись къ вопросу о формѣ крестьянскаго землепользованія. Хотя большинство членовъ Редакціонныхъ Комиссій, въ томъ числѣ такіе крупные дѣятели, какъ Кн. Вл. А. Черкасскій, были убѣжденными сторонниками принципа личной собственности, они не рѣшились насильственно ломать общину и навязывать великорусскому крестьянину единоличное владѣніе въ то время, когда еще не было объективныхъ условій, благопріятствующихъ такой ломкѣ привычной формы землевладѣнія. Однако, въ законопроектъ была введена особая статья (впослѣдствіи Ст. 165 Положенія о Выкупѣ), предоставлявшая домохозяину, уплатившему выкупной долгъ, право требовать отъ сельскаго общества выдѣла ему земли въ отрубной участокъ, который затѣмъ уже могъ быть закрѣпленъ за нимъ въ личную собственность.

Этою статьею предуказывалось направленіе, по которому должна была идти дальнѣйшая эволюція земельнаго вопроса. Не вина авторовъ великой реформы, что послѣдующее законодательство о крестьянахъ пошло по иному, даже обратному пути.

Нелегка была задача составителей крестьянскихъ Положеній 1861 г. Особенно затрудняло ихъ работу противодѣйствіе, которое они встрѣчали, какъ со сторны придворно-бюрократическихъ круговъ, такъ и въ средѣ провинціальнаго дворянства. Въ этой средѣ было сравнительно мало явныхъ и принципіальныхъ сторонниковъ крѣпостного строя. Но многіе мелкопомѣстные дворяне находили предположенія Редакціонной Комиссіи слишкомъ радикальными и страшились полнаго своего разоренія. Противники Редакціонныхъ Комиссій этой категоріи составляли большинство во многихъ губернскихъ Комитетахъ и, вызванные въ Петербургъ въ качествѣ депутатовъ, повели упорную борьбу противъ законопроекта. Однако, твердость Государя и самоотверженная преданность идеѣ освобожденія наиболѣе просвѣщенныхъ представителей дворянства въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, преодолѣли и это препятствіе. Идеологическій потокъ, о которомъ я упоминалъ, смылъ со своего пути всѣ преграды.

Дѣятели 1861 года не ограничились однимъ письменнымъ творчествомъ: они приняли на себя и практическое осуществленіе реформы.

Мы видимъ, что тотчасъ послѣ обнародованія Манифеста 19-го февраля 1861 г. главные работники въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ и Губернскихъ комитетахъ устремляются въ свои имѣнія, чтобы въ скромной роли мирового посредника проводить въ жизнь выработанныя ими положенія. И эта сторона ихъ дѣятельности была безмѣрно трудна уже потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ приходилось бывать судьями въ собственномъ дѣлѣ. О томъ съ какимъ тактомъ, умѣніемъ и безпристрастіемъ мировые посредники 1-го призыва справились со своею задачею можно судить какъ по ничтожному числу жалобъ на ихъ дѣйствія, такъ и по тому уваженію, которымъ они пользовались до конца жизни со стороны своихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ: какъ былъ принятъ Актъ 19-го февраля 1861 года тѣми, для которыхъ онъ былъ изданъ?

Вопреки малодушнымъ опасеніямъ однихъ и злонамѣреннымъ пророчествамъ другихъ, русское крестьянство въ массѣ своей встрѣтило вѣсть о своемъ освобожденіи въ благоговѣйномъ спокойствіи и глубокомъ сознаніи величія совершившагося событія.

Спасительную силу единенія Царя съ населеніемъ почувствовало даже революціонное подполье: оно смущенно притихло, прекративъ, къ сожалѣнію на слишкомъ короткій срокъ, свою кровавую работу.

«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ...» писалъ Герценъ въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ Императору Александру II и это признаніе стараго революціонера — высшая и лучшая похвала великой реформѣ и ея приснопамятнымъ творцамъ...

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ». Этими словами Манифеста 19-го февраля, которыми я началъ свою рѣчь, позвольте ее и закончить, выразивъ надежду — нѣтъ не надежду, а увѣренность, что настанетъ день, когда вновь побѣдитъ Галилеянинъ, и когда не здѣсь, на чужбинѣ, а тамъ, на Родной Землѣ, потомки освободителей и потомки освобожденныхъ, слившись вновь въ единый могучій народъ, осѣнятъ себя знаменіемъ креста и призовутъ Божіе благословеніе на свой **свободный** трудъ — «залогъ своего благополучія и блага общественнаго».

Рѣчь засл. проф. Генерала А. А. Гулевича.

АРМІЯ И КРѢПОСТНОЕ ПРАВО.

Крѣпостная зависимость крестьянъ возникла и первоначально развивалась подъ вліяніемъ военныхъ потребностей.

Весь XVI-й вѣкъ почти сплошь, а особенно царствованіе Ивана Грознаго, прошелъ въ непрерывныхъ войнахъ. Государство нуждалось въ многочисленномъ войскѣ и въ средствахъ на его содержаніе. Для этой цѣли оно вынуждено было прибѣгнуть къ **помѣстной** системѣ. Военное бремя, почти полностью, было переложено въ натурѣ непосредственно на тѣхъ, кто получалъ землю отъ правительства въ пользованіе, то есть на служилыхъ дворянъ — помѣщиковъ. Распоряжаясь, какъ хозяева, въ своемъ помѣстьи, они должны были зато являться на войну **«конно, людно и оружно»**, образуя главный видъ вооруженной силы — дворянскую конницу. Количество людей, которыхъ долженъ былъ приводить съ собой помѣщикъ зависѣло отъ размѣровъ помѣстья. Крупные помѣщики выставляли цѣлые отряды. Переставалъ почему либо помѣщикъ числиться въ составѣ служилыхъ людей — помѣстье отъ него отбиралось и передавалось другому.

Земля, чтобы быть доходной, нуждалась въ обработкѣ. У крестьянъ издавна было право свободнаго перехода съ одной земли на другую. Они широко имъ пользовались. Шли туда, гдѣ имъ казалось лучше и выгоднѣе. Отсюда подвижность, текучесть крестьянскаго сословія Московской Руси, послужившая главною причиною ея необыкновенно быстраго территоріальнаго расширенія. Но отъ этого свободнаго перехода страдали интересы помѣщиковъ, въ особенности мелкихъ; и они стремились **«прикрѣпить»** крестьянъ къ своей землѣ. Еще во времена Василія Темнаго свободнымъ переходамъ начали ставиться препятствія: для выхода былъ установленъ одинъ опредѣленный день въ году, съ окончаніемъ полевыхъ работъ — осенній Юрьевъ день (26 ноября).

Судебники 1497 и 1550 годовъ окончательно установили такой распорядокъ, а Уложеніемъ 1649 г. Царя Алексѣя Михайловича отмѣненъ и этотъ срокъ и крестьяне навсегда оказались прикрѣпленными къ землѣ. Но во всемъ остальномъ крестьяне остались свобод-

ными: они сохранили право на свою собственность, могли заниматься чѣмъ угодно, свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и т. п.. Но съ теченіемъ времени эта свобода крестьянина въ жизненномъ быту постепенно, незамѣтно утрачивалась и зависимость крестьянина по землѣ превращалась въ личную, въ особенности, когда взносъ податей съ крестьянина былъ возложенъ на помѣщика.

Помѣстныя войска составляли главную часть военной силы Московской Руси. Основаніемъ ихъ служила **«земля».** Численность ихъ была весьма велика. Въ Ливонскую войну они достигали 300 тысячъ человѣкъ. Главнымъ недостаткомъ помѣстныхъ войскъ было то, что ратные люди собирались только при призывѣ въ военное время, не получая въ мирное время никакой подготовки. Съ началомъ войны помѣщикамъ предписывалось являться на сборные пункты самимъ и приводить съ собою опредѣленное число своихъ людей, которыхъ должны «имѣть добрыхъ и дородныхъ и на лошадяхъ добрыхъ-же, и оружныхъ, и въ сбруѣ, и въ латахъ, и въ шишакахъ и въ пансыряхъ и въ бехтерцахъ». На походѣ они же должны были своихъ людей довольствовать и содержать.

Современникъ, русскій человѣкъ **Посошковъ**, въ такихъ суровыхъ выраженіяхъ даетъ отрицательную характеристику русскаго войска XVII вѣка:

«У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хоть сотню положили — ничего. Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣе. Молятся: дай Боже рану нажить легкую, чтобы немного отъ нея поболѣть и отъ Великаго Государя получить за нее пожалованіе. Во время боя того и смотрятъ, гдѣ-бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ боя, и они съ ними, будто также съ боя ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: дай Богъ Великому Государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать».

Азовскіе походы наглядно показали Петру всю несостоятельность поступившей въ его распоряженіе вооруженной силы. Вернувшись изъ заграничнаго путешествія и рѣшивъ начать войну съ Швеціей для выхода къ Балтійскому морю, Петръ уничтожаетъ всю старую военную систему и формируетъ свою армію на совершенно новыхъ началахъ. Онъ, однако, не обратился къ найму-вербовкѣ, господствовавшей тогда во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, а установилъ службу **на основѣ военной повинности...** Петръ твердо усвоилъ, сразу примѣнилъ и безпощадно и круто осуществлялъ давнишнее руководящее основаніе, на которомъ всегда зиждилась общественная и личная жизнь русскаго человѣка: каждый долженъ жить не для себя,

не для своихъ личныхъ интересовъ, не на основаніи правъ, которыми онъ пользуется, а для исполненія своихъ обязанностей, отбывая повинности «для государева и земскаго дѣла».

Въ «потѣшныхъ играхъ» Петра въ селѣ Преображенскомъ зародилось ядро новой русской арміи.

Рекрутскимъ наборомъ наскоро собранное и совсѣмъ несплоченное и необученное новое войско подъ Нарвою было разгромлено. Это пораженіе принесло однако большую пользу, ибо «лѣность отогнала и къ трудолюбію и искусству день и ночь прилежать принудила и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ велѣла». Творческій геній Петра развернулся въ полномъ объемѣ и черезъ девять лѣтъ на поляхъ Полтавы шведская армія была уничтожена, а черезъ двадцать лѣтъ «Великія Государства Россійскаго Царствованія» превращаются въ «Всероссійскую Имперію» — сильнѣйшую европейскую державу.

Чрезвычайнаго напряженія всѣхъ силъ народа потребовала затянувшаяся Сѣверная война. Вся кипучая энергія Петра была направлена на то, чтобы имѣть достаточное число людей и средствъ на усхѣшное ея продолженіе и на поднятіе боевой годности вновь созданной регулярной арміи.

Двадцатилѣтняя упорнѣйшая борьба оказалась великой школой для русскаго офицера и солдата. Въ ея огнѣ геніальный организаторъ и полководецъ выковалъ безподобную по духу и по обученію русскую армію и положилъ прочное основаніе самобытному русскому военному искусству.

Комплектованіе арміи покоилось на «земской силѣ всего народа», на обязательствѣ каждаго защищать Русскую землю. Воинская повинность установлена **поголовная** для дворянъ и **рекрутская** для прочихъ сословій. Всѣ дворяне безъ исключенія кого бы то ни было записывались въ недоросли и обязывались нести безсрочную службу, начиная ее «съ фундамента» — съ солдатскаго званія, производясь затѣмъ по своимъ заслугамъ и выслугѣ изъ чина въ чинъ.

Отношеніе между офицерами и солдатами было самое близкое, отеческое. Въ собственноручно написанной Петромъ статьѣ **«Устава Воинскаго»** оно опредѣляется въ такихъ выраженіяхъ:

«Понеже офицеры суть солдатамъ яко отцы дѣтямъ, того ради надлежитъ имъ отечески ихъ содержать, и понеже дѣти передъ отцами суть безсловны во всякомъ послушаніи, полагая надежду свою на отцовъ во всемъ, чего ради отцы недреманное попеченіе о ихъ состояніи имѣютъ, о ихъ ученіи, пропитаніи и всякомъ снабденіи, особливо же дабы нужды и недостатка не терпѣли, тако и офицеру надлежитъ (а особливо наши офицеры должны суть, понеже ни единый народъ въ свѣтѣ такъ послушливъ, яко россійскій) во пользѣ солдатъ дѣлать, что въ мочи есть и не тяготить ихъ лишними церемоніями, карауломъ и прочимъ».

Установивъ для дворянства личную поголовную повинность, Петръ для прочихъ сословій придалъ ей общинный характеръ. Рекруты, въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ, поставлялись съ опредѣленнаго числа дворовъ, по приговорамъ. Принимались «кого отдатчики въ

отдачу объявятъ и поставятъ». Срокъ службы установлялъ пожизненный. Поступая на службу, рекрутъ становился «отрѣзаннымъ ломтемъ» по отношенію къ своей семьѣ и своимъ близкимъ. Онъ быстро свыкался съ своею участью и всю свою привязанность переносилъ на свою новую семью — свое «полковое солдатство». Послѣдовательно создавался типъ стойкаго, терпѣливаго, вѣрнаго, отлично знающаго свое дѣло Петровскаго солдата и драгуна, Елизаветинскаго гренадера и фузелера, Суворовскаго чудо-богатыря, Николаевскаго стараго служаки...

Повернувъ всѣхъ дворянъ-помѣщиковъ въ регулярные полки, безпощадно требуя отъ нихъ суровой пожизненной дѣйствительной службы въ войсковыхъ частяхъ, жестоко наказывая всякое отъ нея уклоненіе, Петръ принужденъ былъ отплачивать имъ тѣмъ, что расширялъ ихъ права надъ крѣпостными крестьянами, которые начинаютъ именоваться «работными персонами» или «помѣщичьими подданными». Крестьянинъ безъ разрѣшенія помѣщика лишенъ былъ права начать какое либо предпріятіе; казна не вступала съ нимъ ни въ какія сношенія помимо владѣльца, на обязанность котораго было возложено взыскивать съ него подати, налоги и недоимки. Но Петръ совсѣмъ не имѣлъ въ виду превращать крестьянъ въ безправныхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ. Онъ видѣлъ въ нихъ такое же служилое сословіе, какимъ были дворянское и городское. Крѣпостное состояніе было лишь формою служенія государству. Крестьянинъ служилъ своему помѣщику для того, чтобы дать послѣднему возможность отправлять свою тяжелую военную службу. Такой взглядъ неоднократно опредѣленно высказывался Петромъ и глубоко вкоренился въ народное сознаніе.

При преемникахъ Петра Великаго взглядъ этотъ подвергся существенному измѣненію и наблюдаются два явленія, одно другому противорѣчащія по духу: съ одной стороны — постепенное облегченіе для дворянства военной службы, а съ другой — усиленіе крѣпостного помѣщичьяго права.

Въ 1736 году при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ послѣдовало первое смягченіе личной военной повинности дворянства: единственнымъ сыновьямъ, либо одному изъ братьевъ разрѣшено «буде того пожелаютъ» оставаться при хозяйствѣ. Манифестъ 1762 года Императора Петра III **«О вольности дворянской»** завершилъ частныя распоряженія Императрицы Елизаветы и совершенно освободилъ дворянъ отъ всякой службы. Это была уже полная отмѣна основного принципа, установленнаго Петромъ Великимъ. И если до изданія этого манифеста прикрѣпленіе крестьянъ оправдывалось цѣлью общаго служенія государству, то теперь оно превращалось лишь въ дворянскую привиллегію, а потому становилось несправедливостью, которая чувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама крѣпостная зависимость въ условіяхъ бытовой жизни начинаетъ принимать болѣе жесткую форму: крѣпостныхъ можно уже было продавать, какъ «вещь», какъ товаръ, безъ земли и поштучно, женить и выдавать замужъ по усмотрѣнію, ссылать безъ суда въ Сибирь и на каторжныя работы за простые проступки, «за предерзостное состояніе».

Императрица Екатерина II, поклонница и проповѣдница просвѣтительныхъ идей своего времени, считала крѣпостное право великой несправедливостью и въ своемъ **«Наказѣ»** открыто высказывалась за необходимость освобожденія крестьянъ. Но, съ другой стороны, она вполнѣ раздѣляла мнѣніе Монтескье, признававшаго особо важное значеніе аристократіи въ монархическомъ государствѣ; вступивъ на престолъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, она нуждалась въ поддержкѣ дворянства, своей **«опоры»**, какъ она его называла. Отсюда непослѣдовательность въ ея дѣйствіяхъ. Въ **Жалованной Грамотѣ дворянству 1785 года** она ставитъ его въ исключительно привилегированное положеніе и еще болѣе укрѣпляетъ его права по отношенію къ крестьянамъ. Послѣ жестокаго усмиренія кровавой Пугачевщины, этого стихійнаго буйнаго протеста крестьянской массы, положеніе крѣпостныхъ стало еще болѣе безправнымъ.

Произведенное полное освобожденіе отъ военной службы наиболѣе культурнаго и просвѣщеннаго сословія — дворянства, не повліяло, однако, какъ того можно было опасаться, на духѣ и составѣ Екатерининской арміи. Лучшіе представители дворянства добровольно шли на военную службу, видя въ офицерскомъ званіи наиболѣе полезное для отечества и пристойное для себя приложеніе своихъ силъ, и подъ ихъ благороднымъ вліяніемъ солдатская масса продолжала получать хорошее воспитаніе и обученіе.

Екатерининская эпоха — это вѣкъ могучихъ національныхъ устремленій, когда каждый русскій, какое бы скромное положеніе онъ ни занималъ, гордился своимъ наименованіемъ Россіянина и былъ вдохновленъ идеей высокаго значенія службы Великой Государынѣ и Отечеству. Проникнутая этимъ общимъ чувствомъ, объятая пафосомъ непрерывныхъ побѣдъ въ неустанной боевой работѣ на всѣхъ фронтахъ, Русская Армія конца XVIII-го вѣка являетъ видъ величественнаго зданія, прочный фундаментъ котораго заложенъ Петромъ, стѣны возведены Румянцевымъ, а вся постройка завершена Суворовымъ.

Основная ея черта — самобытность. Она мало походила и во многомъ превосходила другія европейскія арміи. Русское обмундированіе, народный укладъ внутренней жизни, общность понятій и взаимная близость всѣхъ ея чиновъ, правильное воспитаніе, основанное на сознаніи долга, безъ бездушной дрессировки, своя собственная національная доктрина, единая по духу и силѣ воли, вмѣстѣ съ тѣмъ гибкая, легко приспосабливающаяся къ условіямъ времени и мѣста, безъ шаблоновъ и трафаретовъ, способствующая развитію порыва и частнаго почина, своя русская тактика, проникнутая идеей наступленія, съ яснымъ пониманіемъ преобладанія духовной стороны надъ матеріальной, качества надъ количествомъ, ставящая себѣ цѣлью **«побѣждать малой кровью»** (Петръ Великій), **«общими дружными усиліями всѣхъ»** (Екатерина II).

Суворовская **«Наука побѣждать»** съ неизрѣченной красотой отражаетъ этотъ духъ русской Екатерининской Арміи: религіозность **(«съ нами Богъ»)**, національность **(«помилуй Богъ — мы Русскіе»)**, воспитаніе **(«ничего кромѣ наступательнаго», «глазомѣръ, быстрота**

и натискъ»), обученіе **(«каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ»)**, а въ конечномъ итогѣ: **«побѣда, слава, слава, слава!»** На поляхъ Италіи и въ горахъ Швейцаріи — апогей русскаго военнаго искусства и зенитъ славы русской арміи.

Девятнадцатый вѣкъ вноситъ новыя черты во внѣшній и внутренній обликъ русской арміи.

Выстраданная въ Гатчинѣ реформа приводитъ къ введенію нѣмецкой формы, экзерцисмейстерства и палочной дисциплины. Съ Вейротерской диспозиціей и Пфулевской стратегіей вступили мы въ Наполеоновскія войны. Но закалъ чудо-богатырей и боевая годность арміи остались прежніе. Особенно ярко они выявляются въ годину Отечественной войны, превратившейся въ войну народную. Въ ней принимали участіе не только армія и ополченіе, въ ряды коихъ вступило почти поголовно все дворянство, но и весь народъ, въ образѣ партизанскихъ и крестьянскихъ отрядовъ, поднявшійся для окончательнаго разгрома «двадесяти языковъ», вторгшихся въ Россію. Подвиги старостихи Василисы являются яркимъ примѣромъ того подъема, который охватилъ все крестьянство, когда проснулось народное оскорбленное чувство.

Кончилась великая эпопея Наполеоновскихъ войнъ и прославившаяся Русская Армія изъ Парижа вернулась домой. Началась мирная жизнь. Провозглашенъ былъ афоризмъ: **«Война портитъ войско»**. Разочарованный и утомленный жизнью Императоръ Александръ I-ый передалъ руководство арміей Аракчееву. Появляется идея «военныхъ поселеній». Третья часть арміи становится **«поселенной»**. Жестокое управленіе, когда личная и частная жизнь солдатъ-поселянъ и ихъ семей подчинялась всецѣло мелочнымъ правиламъ и тягостному безпрерывному надзору, привело къ тому, что эта своеобразная форма коллективнаго крѣпостничества имѣла слѣдствіемъ рядъ кровавыхъ бунтовъ; печальный опытъ былъ прекращенъ.

Императору Александру I-му въ началѣ его царствованія идея раскрѣпощенія крестьянъ была близка сердцу и въ «Указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ» 1803 года она получила частичное разрѣшеніе. Во вторую половину царствованія она совершенно забывается. А, между тѣмъ, многіе офицеры, вернувшіеся изъ заграничнаго похода, гдѣ они наблюдали порядки, установившіеся въ Западной Европѣ, не могли не видѣть до какой степени крѣпостничество отрицательно вліяетъ на основы нашей общественной и хозяйственной жизни.

Съ общимъ убѣжденіемъ въ устарѣлости и вредѣ крѣпостного права Россія вступила въ царствованіе Императора Николая 1-го, который называлъ его «зломъ» и сочувственно относился ко всѣмъ мѣропріятіямъ, могущимъ облегчить положеніе крѣпостныхъ. Онъ открыто признавался, что «нынѣ мысли уже не тѣ, какія были прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда». Но крѣпостное право такъ крѣпко срослось съ бытомъ и жизнью, что уничтожить его круто и сразу Императоръ Николай I-ый считалъ опаснымъ. Коренная реформа въ этомъ направленіи представлялась ему «преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе». Послѣдова-

тельно девять секретныхъ комитетовъ разрабатывали различныя мѣропріятія для улучшенія положенія крѣпостныхъ.

Между тѣмъ къ упраздненію крѣпостного права побуждали не только общія чувства гуманности и справедливости, но и соображенія практическаго свойства, въ особенности съ точки зрѣнія интересовъ арміи. Давно уже была нарушена основная мысль Петра Великаго, что военная служба есть всеобщій и священный долгъ передъ Родиной, хотя и тяжелый, но облагораживающій и возвышающій человѣка. Послѣ освобожденія отъ воинской повинности дворянства и другія сословныя группы (гильдейскіе купцы, почетные и личные граждане и пр.) постепенно отъ нея избавлялись, а когда былъ установленъ денежный выкупъ и выставленіе за себя «охотника», который продавался за деньги, то это привело къ тому, что вся тяжесть повинности легла на плечи однихъ крестьянъ. Изъ 25 милліоновъ подлежащихъ набору, 5 милліоновъ освобождались отъ него по разнымъ причинамъ. Армія комплектовалась наименѣе просвѣщеннымъ и развитымъ сословіемъ — бѣднѣйшимъ крестьянствомъ. При производствѣ наборовъ помѣщику предоставлялось право выбора среди своихъ крѣпостныхъ для назначенія на службу. Естественно, что выбирались наименѣе пригодные для хозяйства, т. е. элементы далеко не лучшіе. Эти обстоятельства, а равно суровая дисциплина въ войскахъ и жестокія наказанія въ нихъ установленныя имѣли слѣдствіемъ, что высокое званіе солдата-защитника Царя и Отечества оказалось настолько униженнымъ, что выраженіе «сдать въ солдаты» стало равносильнымъ выраженію «наказать», какъ преступника. Въ самомъ законѣ объ уголовныхъ преступленіяхъ отдача въ солдаты была приравнена къ ссылкѣ въ Сибирь и къ заключенію въ арестантскія роты.

При такихъ условіяхъ военная служба потеряла свою прежнюю привлекательность и для дворянскаго сословія. Одна треть общаго числа офицеровъ выходила изъ кадетскихъ корпусовъ и была прекрасно подготовлена; будучи лучшими представителями дворянства, они составляли отличный офицерскій кадръ; что-же касается остальныхъ двухъ третей, то, вслѣдствіе недостаточнаго числа желающихъ среди образованныхъ дворянъ избрать военную карьеру, пришлось чрезвычайно понизить предъявляемыя къ поступающимъ требованія. Вотъ какъ объ этой категоріи отзывается военный министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1856 годъ: «Означенныя лица въ огромномъ большинствѣ не получили никакого воспитанія. При столь маломъ залогѣ доброй нравственности, сіи кандидаты на офицерство, а съ ними часто и юнкера, лишены на продолжительныхъ зимнихъ стоянкахъ не только средствъ къ образованію, но даже физическаго безукоризненнаго упражненія своихъ тѣлесныхъ силъ, почему коснѣютъ въ невѣжествѣ и предаются стремленію грубыхъ страстей».

Такъ неблагопріятно сложились къ серединѣ XIX-го вѣка по причинѣ, главнымъ образомъ, сохраненія института крѣпостного права, условія комплектованія нашей арміи, какъ нижними чинами, такъ и офицерскимъ составомъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря свойственнымъ Императору Николаю I-му методизму и систематичности въ требованіяхъ, Русская Армія находилась въ образцовомъ внѣшнемъ порядкѣ и Россія представлялась всему свѣту, какъ сильнѣйшая военная держава. Вся Европа страшилась ея развитія и въ 1853 году на нее ополчилась.

Восточная война выявила сильныя и слабыя стороны въ дѣлѣ устройства нашей арміи: геройская оборона Севастополя — высшее проявленіе воинской доблести и боевыхъ подвиговъ, одна изъ славнѣйшихъ страницъ въ нашей исторіи. Но рядомъ съ этимъ обнаружились, какъ слѣдствія излишней регламентаціи и отсталости въ обученіи, слабое развитіе чувства иниціативы и самодѣятельности у начальниковъ и недостаточная маневренная способность и техническая боевая подготовка войскъ.

Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ въ очень трудное время.

«Сдаю Тебѣ Мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя Тебѣ много трудовъ и заботъ» сказалъ Императоръ Николай I передъ кончиной своему Наслѣднику.

Объявляя особымъ Манифестомъ о заключеніи мира, Императоръ Александръ II въ такихъ словахъ выражаетъ свое пожеланіе полнаго обновленія Россіи: «Да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности и каждый, подъ сѣнью законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да насладится въ мирѣ плодами трудовъ своихъ».

Наступаетъ **«эпоха великихъ реформъ».**

Манифестомъ 19-го февраля 1861 года совершено великое дѣло отмѣны крѣпостного права. Создалось новое многочисленное (22 милліона) свободное сословіе. Измѣнились основы русской государственной, общественной и хозяйственной жизни и быта.

Вслѣдъ затѣмъ проведена реформа **Земская** (1864 г.), **Судебная** (1864 г.) и **Городская** (1870 г.). Неминуемо должна была послѣдовать и реформа Военная.

Отдѣльныя частничныя мѣропріятія по улучшенію условія военной службы начались тотчасъ же по заключеніи мира, но къ планомѣрной работѣ по реорганизаціи всѣхъ частей военнаго вѣдомства было приступлено съ назначеніемъ военнымъ министромъ генерала Дмитрія Александровича Милютина, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Императора Александра II-го. Уже въ его замѣчательномъ по объему и глубинѣ содержанія всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1862 года содержится весь планъ реформъ, въ корнѣ мѣняющій основы военнаго устройства, управленія, обученія и хозяйства. Вскорѣ приняты мѣры для поднятія образовательнаго уровня офицеровъ и улучшенія ихъ положенія; созданы школы для солдатъ и измѣнены условія ихъ воспитанія и обученія; отмѣнены тѣлесныя наказанія; улучшены продовольствіе, помѣщенія, медицинская и санитарныя части; одновременно была измѣнена вся система военнаго управленія, съ расширеніемъ правъ и обязанностей низшихъ инстанцій, имѣя цѣлью

поднятіе общаго уровня и индивидуальной подготовки всѣхъ чиновъ арміи къ требованіямъ военнаго времени.

Всѣ эти мѣропріятія подготовили почву для наиболѣе успѣшнаго воспріятія и проведенія въ жизнь коренной рефермы — новаго порядка комплектованія. **«Уставъ о Воинской Повинности»** утвержденъ 1 января 1874 года.

Потребовалось болѣе десяти лѣтъ для его выработки. Главнѣйшій вопросъ, возбуждавшій наибольшія разномыслія — это вопросъ о срокѣ дѣйствительной службы. Петромъ Великимъ онъ былъ установленъ — пожизненный, потомъ онъ былъ сокращенъ до 25 лѣтъ, а при Императорѣ Николаѣ I до 20 лѣтъ. Можно ли рѣшиться сразу перейти къ краткому сроку (около 5 лѣтъ) и болѣе не имѣть въ составѣ арміи «старыхъ служивыхъ», опытомъ практики своей многолѣтней службы сдѣлавшихся ея знатоками, какъ бы профессіоналами? Можно ли имѣть армію изъ молодежи, получившей сравнительно непродолжительное обученіе? Окончательный отвѣтъ на эти вопросы дала война 1870 года, когда нѣмецкая армія, организованная на началахъ воинской повинности съ краткимъ срокомъ службы побѣдила французскую армію, составленную главнымъ образомъ изъ старослуживыхъ.

Уставъ о воинской повинности 1874 года установилъ 6 лѣтній срокъ дѣйствительной службы, фактически вскорѣ сокращенный до четырехъ лѣтъ, а для лицъ получившихъ образованіе срокъ службы сокращается отъ 3 лѣтъ до 1 года. Призываются ежегодно всѣ молодые люди, безъ всякаго исключенія, достигшіе 21 лѣтняго возраста.

Установленіе **всеобщей, всесословной, личной воинской повинности**, не допускающей ни выкупа, ни замѣны, т. е. полное уравненіе всѣхъ въ обязанности на одинаковыхъ для всѣхъ основаніяхъ защищать съ оружіемъ Отечество, явилось логическимъ и непремѣннымъ слѣдствіемъ другого уравненія — уравненія правъ всѣхъ гріжданъ, вытекающаго изъ отмѣны крѣпостной зависимости.

Преобразованная молодая русская армія вскорѣ подверглась боевому испытанію. Она его блестяще выдержала. Освободительная война 1877-78 г.г. разсѣяла всѣ бывшія опасенія о ея боевой годности и готовности.

Тридцать шесть лѣтъ спустя, въ міровую войну Россія выставила 300 тысячъ офицеровъ и 16 милліоновъ солдатъ. Русская Армія въ этой грандіозной войнѣ имѣла и большія побѣды и крупныя неудачи. Но одно можно утверждать съ полной увѣренностью: ни одна изъ сражавшихся армій не обладала такой степенью жертвенности, такой способностью терпѣливо и безропотно переносить величайшія тяготы и лишенія, не доводила боевъ до такого процента потерь въ своемъ составѣ и не вела ихъ съ такимъ упорствомъ и стойкостью.

Недостатокъ артиллерійскаго снабженія поставилъ нашу армію въ 1915 году въ исключительно тяжелыя условія. Притянувъ на себя, благодаря своей активности, главныя силы германо-австрійцевъ, она принуждена была совершить глубокій отходъ. Остановившись, мы продолжали приковывать большую часть силъ противника. Въ 1916

году снабженіе постепенно налаживалось и съ весны 1917 года армія была вполнѣ обезпечена и способна перейти въ общее рѣшительное наступленіе, которое не могло не завершиться побѣднымъ успѣхомъ и привести къ почетному и выгодному миру.

Рокъ судилъ иное: произошло крушеніе нашей государственности и арміи.

Находившійся въ необычайно быстромъ разцвѣтѣ своего могучаго роста молодой, еще не установившійся государственный организмъ Россіи не выдержалъ чрезвычайнаго напряженія и сдѣлался жертвою страшной инфекціонной болѣзни. Темныя силы человѣческой природы — разнузданность, злоба, зависть, трусость и подлость выступили наружу. Безуміе, изступленіе и истерика охватили уставшія души. Основной вѣковой стержень государства — власть Монарха — выпалъ. Анархія захлестнула армію и она рухнула безъ пораженія, безъ борьбы. Среди сгустившейся тьмы появились свѣтлыя точки. Зажегся свѣтъ Бѣлыхъ Армій. Прошелъ и завершился тернистый ихъ путь.

Очутившіеся въ разсѣяніи на чужбинѣ русскіе воины твердо помнятъ свой долгъ передъ Родиной и вѣрны завѣтамъ Россійской Императорской Арміи, на костяхъ и крови которой создались величіе и слава Россіи.

Грядущими боевыми трудами и жертвенными подвигами Русской Арміи возстановится бытіе Россійскаго Государства, обезпечится его честь и неприкосновенность и укрѣпится его великодержавное міровое положеніе. Армія эта будетъ не классовая, не партійная, не сословная, а армія всенародная на тѣхъ же началахъ устроенная, какъ и армія, созданная въ эпоху великихъ освободительныхъ реформъ Императора Александра II-го, въ которой на равныхъ основаніяхъ всѣ безъ исключенія граждане будутъ съ оружіемъ въ рукахъ честно и славно, призывая помощь Святого Георгія Побѣдоносца и помня завѣты Петра и Суворова, стоять на стражѣ жизненныхъ интересовъ возрожденной Великой Россіи, исповѣдуя единый девизъ **— «За Вѣру и Вѣрность!».**

Рѣчь И. И. Тхоржевскаго.

СУДЬБА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ.

(Отъ Милютина до Столыпина).

Въ годы освобожденія крестьянъ, германскимъ посломъ въ Санктъ-Петербургѣ былъ Бисмаркъ.

Его донесенія въ Берлинъ, собранныя въ интересной книгѣ барона Нольде, живо передаютъ ходъ крестьянской реформы. Всколыхнулась тогда крѣпостная Русь, еще столь мало тогда городская. Большая, неустроенная деревня. — Озаренная блескомъ Имперіи, но и озадаченная недавними крымскими пораженіями.

На одномъ изъ личныхъ пріемовъ, русскій Государь говорилъ въ 1861 году Бисмарку:

«Богъ знаетъ, къ чему насъ приведетъ дѣло между помѣщиками и крестьянами, если власть Императора не будетъ достаточно полна, чтобы осуществлять безусловное верховенство». — «Таково правосознаніе Императора Александра Николаевича» — добавлялъ отъ себя Бисмаркъ: «Онъ хочетъ остаться верховнымъ и неограниченнымъ судьей въ русскихъ соціальныхъ отношеніяхъ».

Нѣсколько раньше будущій канцлеръ, тогда консервативный нѣмецкій посолъ — самъ помѣщикъ, недовѣрчивый къ русскимъ народническимъ увлеченіямъ, доносилъ въ Берлинъ:

«Императоръ, не отдавая себѣ въ томъ яснаго отчета, можетъ быть, направленъ своими совѣтниками, даже весьма высоко стоящими, на путь, который приведетъ его туда, куда онъ самъ не хотѣлъ бы итти...»

«Милютинъ, довѣренный Великаго Князя Константина, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и самый тонкій и смѣлый умъ среди прогрессистовъ... мыслитъ себѣ будущую Россію, какъ крестьянское царство, съ равенствомъ, но безъ свободы...»

...«Но событія — (заключалъ Бисмаркъ) — сильнѣе людскихъ замысловъ, и **отъ нихъ** будетъ зависѣть судьба всѣхъ, хорошихъ и дурныхъ, плановъ реформы въ Россіи».

Какова же была **судьба** крестьянской освободительной реформы? Что было заложено въ ней самой? И какова была дальнѣйшая кре-

стьянская и земельная политика Россіи послѣ освобожденія, отъ Милютина до Столыпина?

Въ освобожденіи крестьянъ столкнулись два міра, два правосознанія, двѣ Россіи. Немногочисленные культурные верхи жили уже началами законности, собственности, частнаго права; имъ была открыта — еще не политическая, но уже хозяйственная «вольность».

Внизу — во власти земли и во власти тьмы — жилъ многомилліонный крестьянскій міръ, прикрѣпленный къ тяглу, не знавшій свободы труда. Тамъ исповѣдывалось исконное право каждой нарождающейся крестьянской «души» на земельное надѣленіе.

Дворянскіе верхи отдавали себѣ отчетъ въ этомъ противорѣчіи земельнаго правосознанія крестьянъ и Свода Законовъ. По закону земля принадлежала либо казнѣ, либо помѣщикамъ. Но и у крестьянскихъ земельныхъ взглядовъ, были свои, еще не истлѣвшіе историческіе корни въ порядкахъ Московскаго государства.

«Въ основѣ нашего историческаго развитія лежитъ понятіе о нераздѣльности земледѣльца съ землею, чуждое европейскому западу» — писалъ Юрій Самаринъ: «Крестьянская земля не является у насъ предметомъ исключительнаго права собственности помѣщика. Рядомъ съ помѣщичьимъ правомъ наслѣдственной собственности стоитъ право наслѣдственнаго пользованія крестьянина. Оба права по существу своему равноцѣнны».

Иванъ Аксаковъ шелъ еще далѣе. Онъ восклицалъ (правда, въ примѣненіи не къ помѣщичьимъ, а къ государственнымъ крестьянамъ): «Заставить крестьянъ выкупать землю? Да это все равно, что заставить дубъ выкупать свои собственные корни».

Крестьянская освободительная реформа была компромиссомъ между началами писаннаго Императорскаго закона («земля принадлежитъ владѣльцу») и темнымъ московскимъ преданіемъ («земля принадлежитъ царству).

Пугачевъ въ своемъ манифестѣ 1774 года возвѣщалъ крестьянамъ, что онъ жалуетъ ихъ, «находившихся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ — быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны».

Помѣщикамъ, — какъ и свободѣ, — вовсе не было мѣста въ этой Пугачевской Россіи!

Рѣшеніе 19 февраля было инымъ, несравненно болѣе справедливымъ; но зато и болѣе сложнымъ.

Крестьянамъ была дана личная независимость отъ помѣщиковъ, дано широкое самоуправленіе и отведено въ надѣлъ, примѣрно, три пятыхъ полевой помѣщичьей земли, за выкупъ. Эта идея выкупа и была «ключемъ» принятаго рѣшенія.

«Чего хочетъ правительство?» — спрашивалъ передъ тѣмъ въ своей знаменитой запискѣ, рѣшившей, въ умѣ Государя, судьбу ос-

вобожденія, Юрій Самаринъ. — «Запереться вмѣстѣ съ помѣщиками въ крѣпостномъ правѣ, какъ въ осажденномъ городѣ, держаться въ немъ до послѣдней возможности и по мѣрѣ усиленія натиска изобрѣтать новыя оборонительныя средства»?... «Или, заранѣе пріучивъ защитниковъ къ мысли, что на настоящей позиціи нельзя удержаться, проложить изъ нея вѣрный исходъ, прежде, чѣмъ она будетъ занята съ бою?» — Исходъ былъ найденъ реформой 19 февраля и принятъ русской исторической жизнью, какъ вѣрный. — Царскій Манифестъ 1861 г. призвалъ благословеніе Божіе на **«свободный трудъ»** крестьянъ. Онъ объявилъ, что, на основаніи вводимыхъ имъ положеній «крѣпостные люди получатъ **«въ свое время» «полныя права** свободныхъ сельскихъ обывателей». Тогда же былъ созданъ и сложный, постепенный, разумный порядокъ **перехода:** отъ крѣпостной неволи — къ собственности и свободѣ, отъ правовой обособленности крестьянъ — къ будущему гражданскому равенству; создано и впервые твердо оформлено русское крестьянское право.

В. О. Ключевскій, любившій облекать свои мѣткія и глубокія историческія наблюденія — въ острыя, вызывающе-парадоксальныя формулы, утверждалъ, что никакого крѣпостного **права** въ дореформенной Россіи даже и не было: былъ огромный «крѣпостной **фактъ**».

Отношенія между крестьянами и владѣльцами, крестьянскія пашни и повинности, ничто не было однообразно закрѣплено закономъ — или хотя бы обычаемъ.

Только въ западныхъ губерніяхъ были еще письменные крестьянскіе «инвентари». Но въ общемъ — все въ нашемъ крѣпостномъ правѣ было шатко, сложно, пестро, полно бытовыхъ противорѣчій и мѣстныхъ особенностей.

Изъ этого крѣпостного хаоса предстояло сотворить новый міръ. Насколько трудна была эта задача, можно судить хотя бы по тому, что, напримѣръ, въ Австріи, гдѣ земельныя и крѣпостныя отношенія ближе всего подходили къ нашимъ, освобожденіе крестьянъ растянулось **на цѣлое столѣтіе**; было произведено въ нѣсколько пріемовъ, нѣсколькими реформами. У насъ же крѣпостная цѣпь была порвана **однимъ** усиліемъ власти. Если она при этомъ разскочилась и кое въ чемъ даже ударила — «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику», то болѣзненные ушибы **искупались** все же общимъ оздоровляющимъ значеніемъ реформы.

«Ни одинъ народъ, ни одно государство Европы — писалъ о реформѣ 19 февраля свѣдущій иностранный цѣнитель (баронъ Гакстгаузенъ) — не имѣли и не дождались всеобъемлющаго законодательства о крестьянахъ такихъ величавыхъ размѣровъ, съ такимъ вниманіемъ отнесшагося ко всѣмъ историческимъ и соціальнымъ условіямъ страны».

Положеніе 19 февраля заключало въ себѣ 22 отдѣльныхъ самостоятельныхъ обширнѣйшихъ и сложнѣйшихъ закона. Осуществись они полностью съ должной твердостью и энергіей и Россія окрѣпла бы еще въ концѣ прошлаго вѣка!

Но, во всякомъ случаѣ, начало пріобщенія крестьянъ къ свободному труду и къ общей жизни Россіи было положено.

Не только передъ русскимъ крестьянствомъ; не только передъ судомъ всемірно-политическаго сознанія; но въ нашей собственной русской исторической совѣсти, освобожденіе крестьянъ — сіяющая дата! Это, своего рода, почетное «золотое оружіе» царской власти — (и наше!) — въ непрекращающейся **нравственной** борьбѣ прежней Россіи съ ея нынѣшними поработителями.

Что-же происходило, и что было достигнуто, въ годы послѣ освобожденія? Земля, почти вся, перешла постепенно къ крестьянамъ.

Въ первое время послѣ освобожденія — въ 1861 году помѣщичьихъ, а (въ 1866 г.) и государственныхъ крестьянъ вся площадь удобныхъ земель Европейской Россіи (около 200 милліоновъ десятинъ) распредѣлялась, примѣрно, такъ:

крестьяне — 116 милн. дес.
помѣщики — 76 милн. дес.
казна, удѣлы, — 8 милн. дес.

Черезъ полвѣка, передъ самой войной 1914 года, картина была уже иная:

крестьяне — 161 млн. дес.
помѣщики — 36 млн. дес.

Казенныя и удѣльныя земли Европейской Россіи почти полностью (за исключеніемъ лѣсовъ и неудобныхъ земель) отошли къ крестьянамъ.

Такимъ образомъ, въ Европейской Россіи крестьяне были — къ войнѣ — почти полными хозяевами земельнаго положенія. Они владѣли болѣе, нежели 4/5 земельной площади; купили послѣ освобожденія 40 милліоновъ дес. земли у помѣщиковъ.

Въ Азіатской Россіи — тамъ простиралось уже сплошное крестьянское переселенческое земельное царство.

Возвращаясь къ Европейской Россіи, слѣдуетъ отмѣтить, что изъ земель, оставшихся за помѣщиками, часть ходила еще въ постоянной крестьянской арендѣ. Эта часть была какъ бы «предопредѣлена» къ переходу также въ крестьянскія руки.

Но основное ядро уцѣлѣвшихъ, отстоявшихся помѣщичьихъ имѣній было вполнѣ жизнеспособнымъ. Произошелъ какъ бы естественный отборъ крѣпкихъ владѣній. На нихъ велось культурное хозяйство, работавшее на города и на вывозъ, жизненно полезное для Россіи и далеко превосходившее по своему качеству сосѣднія крестьянскія хозяйства, а потому полезное и для нихъ.

Задача земельнаго обезпеченія крестьянъ близилась къ окончательному разрѣшенію. Отдать крестьянамъ всѣ уже, безъ остатка, помѣщичьи владѣнія было бы не только невыгодно для Россіи, для русской культуры, но и не могло бы уже сколько нибудь существенно помочь крестьянамъ. Къ ихъ владѣніямъ прибавились бы на каждаго какія то ничтожныя «дроби десятины». Такъ оно и случилось, — послѣ угара революціи и чернаго передѣла: Земля, какъ жаловались потомъ крестьяне — «куда-то провалилась».

Но громадному крестьянскому земельному массиву недостава-

ло главнаго; **станового хребта собственности.** Безъ него надѣльныя земли крестьянъ использовались еще слишкомъ слабо. Только работа для самого себя даетъ, и беретъ отъ земли все, что можно. И на помощь «пространству» въ Россіи надо было еще призвать «энергію» крестьянской собственности.

— Между тѣмъ, въ ходѣ событій вышло такъ, что основная цѣль реформы 19 февраля: сдѣлать крестьянъ мелкими собственниками, пріобщить ихъ къ общему русскому праву, — замедлилась, отодвинулась на второй планъ. Наоборотъ, временный **переходный** крестьянскій строй несоразмѣрно выдвинулся впередъ.

Трясина обособленнаго крестьянскаго права засасывала всѣхъ, кто къ ней приближался, но — безъ достаточно твердой воли — осушить это болото!

Конечно, прошло всего только 53 года между освобожденіемъ крестьянъ и войной 1914 года. Срокъ, въ исторіи, небольшой! да и всякое историческое развитіе идетъ зигзагами и съ задержками. Но, оглядываясь **теперь** назадъ, мы-то знаемъ уже, что въ 1914 г. Россію подстерегала война, а въ 1917 г. — революція. И намъ не отдѣлаться отъ ощущенія запоздалой горечи и обиды — отчего же такъ медленно проводилось въ жизнь крестьянское земельное устройство?

Реформа 1861 года, по началу, въ первые 20 лѣтъ, подвигалась впередъ — неспѣшно, но скорѣе успѣшно. Она **вростала** еще въ обиходъ русской деревни. Распространялась на всѣ разряды крестьянъ. Постепенно развязывала «временно-обязанныя» по землѣ отношенія.

Крестьяне были вовлечены и въ новыя, только что созданныя, **земскія** учрежденія. Сѣверныя (почти сплошь крестьянскія) земства съ честью вышли изъ этого испытанія.

Этотъ благополучный первый періодъ былъ завершенъ, уже при Императорѣ Александрѣ III-емъ, такъ сказать, «съ разбѣга», даннаго еще въ предыдущее, освободительное царствованіе учрежденіемъ, въ 1883 году, Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Въ Крестьянскомъ Банкѣ таился новый огромный «зарядъ» полезной для Россіи, дѣловой и культурной энергіи.

Эта энергія была развита и использована съ должнымъ размахомъ уже гораздо позднѣе, главнымъ образомъ, въ царствованіе Императора Николая II.

Но, забѣгая впередъ, слѣдуетъ теперь же подчеркнуть, что о дѣятельности Крестьянскаго Банка у насъ существуютъ недостаточныя, узкія, часто прямо невѣрныя представленія. Учрежденіе Крестьянскаго Банка было лучшимъ хозяйственнымъ **продолженіемъ** реформы 19-го февраля и цѣннѣйшей политической къ ней **поправкой.**

Вѣдь, самой опасной политической стороной положенія 19-го февраля было перенесеніе въ царскій законъ крестьянской идеи «земельнаго надѣленія» на каждую душу, по «нормамъ», «достаточно обезпечивающимъ бытъ» крестьянъ.

Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія осторожнѣе было бы закрѣпить въ собственность за крестьянами, при освобожденіи, земли, **фактически** уже бывшія раньше въ ихъ пользованіи, и предоставить затѣмъ жизни, свободному обмѣну земель выравнивать, выправлять

всѣ неправильности. Введенныя 19-го февраля «нормы крестьянскаго надѣла» практически очень близко и подходили къ прежнему, крѣпостному факту. Но, тѣмъ болѣе, не слѣдовало **принципіально** брать на государство заботу о надѣленіи землей свыше, по нормамъ и какъ бы заново.

Правда, статья 8-ая Общаго Положенія о крестьянахъ объявляла, что никакихъ новыхъ надѣленій **впредь** больше не будетъ, — (какъ бы въ отвѣтъ на знаменитое предложеніе ярославскаго губернатора Бутурлина, сдѣланное въ ходѣ подготовки реформы: передѣлять земли между помѣщиками и крестьянами каждыя 10 лѣтъ). Но эта статья 8-ая явно звучала **«нарочитой»**, а потому и не слишкомъ убѣдительной, декларацiей. «Крестьянскія уши» — во всякомъ случаѣ — «слышать» ее не хотѣли, и не любили. Между тѣмъ, неизбѣжное увеличеніе крестьянскаго населенія на той же неподвижной земельной площади съ неизбѣжностью приводило къ мысли о новомъ надѣленіи.

При такихъ условіяхъ пріучать крестьянъ къ покупкѣ нужной земли въ собственность, за деньги, пріохотить къ этому льготнымъ кредитомъ, было важной политической задачей. Она впослѣдствіи и была блестяще выполнена Крестьянскимъ Банкомъ. Банкъ, оставаясь въ Министерствѣ Финансовъ, сталъ однимъ изъ главныхъ и лучшихъ орудій земельной политики П. А. Столыпина.

Иногда слышишь (справа), будто крестьянскій банкъ былъ вреденъ, ибо искусственно содѣйствовалъ переходу земель изъ лучшихъ, помѣщичьихъ, въ худшія крестьянскія руки. Но, вѣдь, сейчасъ же послѣ освобожденія, милліоны дес. земель помѣщичьихъ были уже проданы въ денежныя, не крестьянскія руки. Земли эти достались таки впослѣдствіи крестьянамъ, но лишь цѣною большихъ косвенныхъ переплатъ.

Продавались, притомъ, обычно, имѣнія, въ которыхъ не велось собственнаго помѣщичьяго хозяйства; земли арендовавшіяся тѣми же крестьянами. Особаго ущерба сельскому хозяйству произойти при этомъ не могло, ибо земля оставалась въ тѣхъ же крестьянскихъ рукахъ, болѣе грубыхъ, но и болѣе терпѣливыхъ.

Наконецъ, главный реальный доводъ: изъ 40 милліоновъ десятинъ, купленныхъ крестьянами, 18,5 милліоновъ дес. было куплено при помощи Крестьянскаго Банка, а 21,5 милліоновъ десятинъ (больше) прямо на собственныя мужицкія сбереженія.

Ясно, что не Крестьянскій Банкъ «искусственно» вызывалъ продажи. Просто, земельная Россія сама въ себѣ «разбиралась», происходилъ естественный отборъ владѣльцевъ и выяснялись, во-первыхъ, преобладающій типъ нашего сельскаго хозяйства, мелкая крестьянская собственность и, во вторыхъ, вспомогательный типъ: крѣпнущее на сокращенной площади крупное и среднее хозяйство.

Но все это происходило уже гораздо позднѣе. При Императорѣ Александрѣ III-емъ дѣятельность Крестьянскаго Банка была ограничена, замкнута въ самыя тѣсныя рамки.

Подъ впечатлѣніемъ злодѣйскаго убійства Государя Александра II-го, начинался новый, второй періодъ нашей крестьянской полити-

ки послѣ освобожденія. Періодъ общаго замедленія, замораживанія всѣхъ, вообще, реформъ. При этомъ хуже всего пришлось, больше всего досталось какъ разъ крестьянской реформѣ, которую меньше всего можно было винить въ смерти Царя-Освободителя.

Начиная съ 1886 года былъ принятъ рядъ мѣръ поворачивавшихъ крестьянъ какъ бы назадъ, въ глухое земельное подполье.

Запрещеніе досрочнаго выкупа надѣловъ въ собственность; запрещеніе семейныхъ раздѣловъ внутри сложныхъ крестьянскихъ «дворовъ»; расширеніе власти общины и «міра» надъ отдѣльными предпріимчивыми хозяевами; запрещеніе залога и продажи надѣловъ; остановка переселеній.

По всей линіи торжествовало «особое крестьянское право». А, между тѣмъ, начать тогда бы обратную, противоположную работу: Столыпинскаго единоличнаго землеустройства!

Разумѣется, Императоръ Александръ III-ій и его сподвижники (въ первую голову, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой) желали **добра** крестьянамъ и своей Родинѣ. Они думали, что мудро «тормозятъ» «переходъ къ неизвѣстному будущему».

Но намъ, послѣ всего того, что случилось съ Россіей, на нашихъ глазахъ, трудно понять упорное ослѣпленіе 80-хъ и 90-хъ г.г. **Сверху** заботливо оберегалось «государство въ государствѣ». Отдѣльное «крестьянское царство, съ равенствомъ, но безъ свободы», унылымъ равенствомъ въ нищетѣ. Крестьянское «подземелье», гдѣ зрѣли и наростали революціонныя соціалистическія устремленія къ черному передѣлу.

Правда, Положенія 19 февраля, также сохраняли на нѣкоторое время и общину, и крестьянскую обособленность; но они открывали выходъ оттуда къ праву и собственности, выходъ на свѣтъ Божій. Этотъ то выходъ тщательно теперь закрывался.

Не случайно именно 80-ые и 90-ые годы, годы «зажима» и усиленія этой ложной земельной политики отмѣчены какъ разъ наибольшимъ оскудѣніемъ и разореніемъ русской деревни. Въ тугихъ узлахъ «особаго» подворнаго, или общиннаго права нѣмѣло связанное живое тѣло Россіи! Глохла свобода крестьянскаго труда, благословлявшаяся Манифестомъ!

И вся эта мучительная схоластика «особаго крестьянскаго права» разрабатывалась русскими крестьянскими учрежденіями и 2-мъ департаментомъ Сената тщательно! иногда даже съ любовью! Но есть **всемірный** двигатель **всякаго** хозяйства — личный интересъ хозяина. Если этотъ интересъ забиваютъ и связываютъ, онъ мститъ за себя, всегда и вездѣ, — общею нищетою и скудостью.

Многіе умные — и очень консервативные — русскіе люди все это давно уже ясно видѣли.

Въ запискѣ переданной въ 1894 году молодому Государю Императору Николаю II-му, одинъ изъ испытаннѣйшихъ слугъ Царской Россіи, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ писалъ: «До 1861 г. крестьянинъ былъ въ крѣпостной зависимости казны, удѣла, помѣщика; а теперь онъ въ крѣпостной зависимости общины. И Богъ вѣсть еще, который изъ этихъ двухъ видовъ крѣпостной зависимости хуже».

«Странное положеніе 80-милліоновъ русскаго народа» — восклицалъ другой «правый», писатель К. Ф. Головинъ-Орловскій: «одной узенькой стороной Россія освѣщена X-мъ томомъ Свода Законовъ, а другой, наибольшей, уходитъ, **какъ мѣсяцъна ущербѣ,** въ тьму неизвѣданныхъ обычаевъ...»

Изъ государственныхъ людей, непосредственно стоявшихъ у власти, первымъ по настоящему спохватился Витте.

Бывшій министръ Александра III-го, нелюбимый молодымъ Государемъ, Витте имѣлъ мужество во всеуслышаніе заявить, что крестьянская политика Императора Александра III-го, продолжавшаяся въ первое десятилѣтіе царствованія и его сына, ошибочна въ своемъ корнѣ.

Императоръ Николай II-ой только въ одномъ вопросѣ — переселенческомъ — сразу отступилъ отъ запретной политики своего отца: онъ широко открылъ Сибирь для переселенцевъ, недаромъ именно онъ возглавлялъ, еще въ бытность Наслѣдникомъ, постройку Великаго Сибирскаго пути. Но и въ переселенческомъ дѣлѣ у насъ долго еще продолжалась все та же обычная практика нашихъ крестьянскихъ учрежденій, даже еще усиленная необходимостью **начерно, наскоро** устраивать приходящихъ въ Сибирь людей: повсюду шли «отрѣзки» земли у старожиловъ и у киргизовъ, насильное дополненіе новыхъ душъ въ многоземельныя, сторожилыя общества. Земельная политика въ Сибири сводилась къ двумъ словамъ: надѣлы и передѣлы. А земельной собственности въ Сибири до Столыпина, по русскому закону вовсе не было.

Сергѣй Юльевичъ Витте самъ не зналъ или почти не зналъ русской деревни. Но блестящій министръ финансовъ, столько сдѣлавшій для промышленной и городской Россіи, Витте **чуялъ** неладное въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. По его иниціативѣ въ 1902 году было создано «Особое Совѣщаніе о Нуждахъ Сельско-Хозяйственной Промышленности», открыты по всей Россіи уѣздные и губернскіе совѣщательные комитеты.

Это совѣщаніе — переломная и добрая дата въ исторіи нашего крестьянскаго дѣла.

Въ печатной запискѣ Витте по крестьянскому дѣлу, указывалось уже на необходимость вернуться къ основнымъ цѣлямъ реформы19-го февраля: къ частной собственности крестьянъ на землю и къ уравненію ихъ въ правахъ съ другими сословіями.

Но въ преніяхъ, завязавшихся въ Совѣщаніи Витте высказался еще гораздо прямѣе и гораздо сильнѣе.

— Что-же говорятъ крестьяне?» — спрашивалъ участниковъ совѣщанія Витте, со свойственной ему запальчивостью.

«Очень просто. Они говорятъ: когда насъ освобождали, то взяли землю у помѣщиковъ и отдали намъ крестьянамъ. Теперь народу много, земли не хватаетъ; стало-быть можно опять взять земли у помѣщиковъ и дать намъ. Съ точки зрѣнія крестьянъ — продолжалъ Витте — такая идея совершенно естественна, логична; и государство своимъ образомъ дѣйствій какъ бы поддерживаетъ эту идею о правѣ на дополнительное полученіе земли при помощи государства.

Русская Публичная

И мнѣ представляется, что, если идея воспитанія крестьянъ въ условіяхъ уравнительнаго землепользованія и вообще въ условіяхъ, отдаляющихъ отъ общаго правопорядка, будетъ и далѣе проводиться съ такимъ же упорствомъ, то Россія можетъ дожить до грозныхъ историческихъ событій».

За такія крамольныя рѣчи сельско-хозяйственное совѣщаніе Витте было закрыто, хотя и съ Высочайшею благодарностью. Но весь Столыпинъ, вся наша землеустроительная (правильная) политика послѣднихъ лѣтъ вышла изъ этого Виттевскаго совѣщанія, (какъ вышелъ изъ него и главный передовой боецъ Столыпинскаго землеустройства, А. А. Риттихъ).

Виттевскій укоръ нашей земельной политикѣ былъ основною своею тяжестью обрушенъ, конечно не на Положенія 19-го февраля.

Когда-то, въ историческую минуту продѣлана была безпримѣрная по трудности, **исключительная** операція, — можетъ быть, — спасшая жизнь Россіи. Но послѣ того прошло болѣе 40 лѣтъ! И уже не было оправданія для **повседневной** практики крестьянскихъ учрежденій, какъ будто умышленно насаждавшихъ земельное безправіе, общину и тяготѣніе къ передѣлу, къ захвату **чужой** земли вмѣсто лучшаго воздѣлыванія своей, ибо своей земли отдѣльному хозяину не полагалось.

Неудачная японская война и крестьянскія волненія 1905-1906 года положили конецъ правительственнымъ колебаніямъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ костеръ народныхъ волненій были брошены тогда удѣльныя и кабинетскія и остававшіяся еще казенныя земли.

Но ясно было, что однимъ расширеніемъ земельныхъ владѣній крестьянъ, и безъ того владѣвшихъ уже чуть ли не всею Россіей, не поможешь. Надо было поднять производительный уровень крестьянскаго хозяйства. Вмѣсто «равенства въ нищетѣ» создать неравенство, но зато напряженный трудъ на **своей** землѣ — и волю къ богатству. Это и было основной государственной задачей Столыпина.

Столыпинъ хорошо **зналъ**, въ отличіе отъ Витте, русскую деревню, давно смотрѣвшую на него въ упоръ и недобрымъ взглядомъ. Онъ зналъ и то, **какъ** къ ней подойти — «добромъ».

Избирательный законъ Витте, давшій крестьянамъ всѣ преимущества при выборахъ въ Государственную Думу, послалъ въ Думу, вопреки иллюзіямъ Витте, — однихъ крайнихъ лѣвыхъ. Первая Дума была распущена послѣ заявленнаго ею требованія немедленнаго и дарового принудительнаго отчужденія всей помѣщичьей земли безъ остатка.

Столыпинъ зналъ, что **начинать** надо съ оздоровленія **корней** земельной культуры.*) Указы 5 окт. и 9 ноября 1906 года (первый

*) За нѣсколько лѣтъ до своего премьерства Столыпинъ отказался отъ предложенной ему должности управляющаго Крестьянскимъ Банкомъ. Отказался (какъ онъ разсказывалъ А. В. Кривошеину во время поѣздки въ Сибирь) потому, что не было принято его непремѣнное условіе: продавать впредь землю крестьянамъ только отдѣльными участками, а не многолюднымъ товариществамъ.

объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, а второй — о выдѣлѣ изъ общины, — открыли собою третій, Столыпинскій, періодъ нашей крестьянской политики. Всего пяти лѣтъ творческой работы Столыпина оказалось достаточнымъ, чтобы сбрызнуть живой водой хозяйственную жизнь русской деревни.

То было «второе освобожденіе крестьянъ! Освобожденіе отъ общины и земельнаго безправія: условій, содѣйствовавшихъ нищетѣ. На призывъ Столыпина, обращенный къ двумъ вѣчнымъ источникамъ человѣческой энергіи, къ праву собственности и къ свободѣ труда, откликнулись милліоны русскихъ крестьянъ. Въ нѣсколько лѣтъ одна пятая всѣхъ крестьянъ Европейской Россіи — 3 милліона дворовъ — уже вышли изъ общины; изъ нихъ полтора милліона дворовъ свели свои участки въ округленныя владѣнія.

По недостатку землемѣровъ оставались неудовлетворенными ходатайства о выдѣлѣ поступившія еще отъ 5 1/2 милліоновъ дворовъ.

Но для осуществленія Столыпинской земельной реформы, бывшей «вѣнцомъ» замысловъ 19 февраля, уже не хватило времени. Грянула война. А войны, только ея одной и боялся Столыпинъ въ своихъ тревогахъ за будущее Россіи!

Такъ къ тремъ войнамъ можно свести, въ сущности, всю исторію крестьянскаго освобожденія: Крымская война начала, японская война — двинула; великая война — погубила. Неокрѣпшій еще «хребетъ» мелкой крестьянской собственности былъ сломанъ; прямымъ порожденіемъ войны — большевицкой революціей.

Только войной остановленъ былъ и начавшійся богатырскій ростъ крестьянскаго хозяйства. Вѣдь въ теченіе **одной** только Столыпинской «пятилѣтки» доходъ Россіи отъ ея сельскаго хозяйства удвоился: съ 3 до 6 милліардовъ золотыхъ рублей. И всѣ эти счастливые ростки и надежды были безповоротно загублены.

Съ паденіемъ Царской власти и призрачнаго временнаго правительства насталъ **четвертый**, большевицкій періодъ нашей крестьянской исторіи, когда все, что казалось раньше «рѣзьбой» на камнѣ», оказалось (или стало казаться) — «черченіемъ на пескѣ». Недобрый историческій вѣтеръ, съ такою страшною безвозбранностью гуляющій теперь по русской равнинѣ, какъ будто, все смелъ и вернулся «на круги своя»... Крестьяне снова закрѣпощены, земля опять принадлежитъ — красному «царству».

Но если всмотрѣться въ зигзаги даже большевицкой крестьянской политики, то прямая причинная связь между свободной собственностью крестьянъ и подъемомъ хозяйственной силы народа становится очевидной. Вспомните эти зигзаги! Революція; военный коммунизмъ; черный передѣлъ, и голодъ, голодъ и голодъ!

Уступки крестьянамъ. «Нэпъ». Ростъ «кулацкихъ, собственническихъ силъ деревни. И снова — безспорное оживленіе сельскаго хозяйства.

Испугъ большевиковъ передъ этимъ оживленіемъ. Новое, уже умышленное разореніе деревни. Съ 1927 года на нее бросаютъ увлеченный тогда миражемъ первой совѣтской пятилѣтки «молоднякъ»,

городскихъ рабочихъ: ломать крестьянскія хозяйства. Крестьянъ загоняютъ батраками въ колхозы, для чего? Для лучшаго интендантскаго снабженія командующихъ верховъ.

Страшное, отчаянное, кровавое сопротивленіе крестьянъ: милліоны жертвъ; и сопротивленіе сломлено, крестьяне въ колхозы загнаны.

Но, несмотря на громадныя количества брошенныхъ въ деревню трактороvъ, закрѣпощенное, подневольное крестьянское хозяйство вновь хирѣетъ. Деревня разоряется, гибнетъ. Только крошечные, пріусадебные, разрѣшенные «для себя» клочки надѣловъ еще обрабатываются старательно. Трудъ цѣпляется за послѣдніе жалкіе остатки свободы.

Реформа 19 февраля оправдана **всею** послѣдующею ея исторіей. И пусть наша Родина сохраняетъ черты былого **величія**, — даже теперь, въ ея несчастьи, въ жуткой нищетѣ, въ униженіяхъ. Увидѣть ее крѣпче, богаче, **счастливѣе**, и въ блескѣ національнаго достоинства можно будетъ только возвративъ русскому народу старое «благословеніе» 1861 года — свободу творческаго труда.

Рѣчь проф. М. В. Бернацкаго.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СМЫСЛЪ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.

Сегодня передъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходитъ самая свѣтлая и примѣчательная — по морально-политическому подъему и по напряженію государственнаго разума — полоса новѣйшей исторіи Россіи. Наша взволнованная душа обуревается разными чувствами. Прежде всего, мы ощущаемъ повелительную потребность воздать благоговѣйную благодарность памяти того Монарха и его сподвижниковъ, которые подняли русскую землю на подвигъ раскрѣпощенія своего народа. Сердца наши охватываются чувствомъ національной гордости отъ того, что это великое дѣяніе свершилось на нашей родной землѣ. Но съ чрезвычайной силой поднимается и чувство національной скорби и негодованія, что эти великія народныя преуспѣянія потоплены были въ крови и грязи трагическихъ событій послѣднихъ лѣтъ. Невольно возникаетъ вопросъ, не есть ли освободительная реформа нынѣ — только лучезарное историческое видѣніе, сданное въ музей исторіи знаменательное событіе, уже оторванное отъ дѣйствительной жизни и лишенное силы вліять на нее.

Со всей полнотой доступнаго мнѣ убѣжденія я отвѣчаю на этотъ вопросъ отрицательно и утверждаю, что идея реформы **сохраняетъ свое дѣйственное значеніе**, которое **проявится на судьбахъ возрожденной Россіи** и которое отчетливо **предуказательно** для всѣхъ народовъ въ нынѣшній смутный періодъ **міровой исторіи.**

Въ жизни великихъ странъ бываютъ событія, свершаются дѣянія, которыя — по своему культурному содержанію — выходятъ далеко за предѣлы національныхъ границъ. Они могутъ недостаточно оцѣниваться современниками, ихъ можетъ временно забывать неблагодарное потомство; но, раньше или позже, они обнаруживаютъ свой обще-историческій смыслъ. **Подлинные государственные дѣятели** (не демагоги разныхъ калибровъ) въ этомъ наслѣдіи будутъ черпать указанія для своей работы; его усвоеніемъ будетъ опредѣляться общественно-моральное сознаніе каждаго живого человѣка. Такія дѣянія могутъ играть спасительную роль **маяковъ** для заблудившагося въ океанѣ исторической жизни человѣчества.

Что оно заблудилось, это ясно нынѣ для всякаго, кто способенъ «видѣть и слышать». Сейчасъ рѣзко поставленъ вопросъ о судьбѣ современной культуры: съумѣютъ ли ея сторонники внести въ нее необходимыя исправленія, защитить ее отъ бурныхъ натисковъ другого общественнаго уклада; или — по безсилію и легкомыслію политическихъ руководителей, — рухнетъ строеніе «европейской цивилизаціи», въ теченіе многихъ вѣковъ и съ такими усиліями воздвигавшееся.

Что лежитъ (или вѣрнѣе — **должно** лежать) въ основѣ подлинной человѣческой культуры? Это — несомнѣнно — начало **свободной** личности, **именно въ силу своей свободы отвѣтственной предъ націей и государствомъ.** Послѣднее призвано одновременно и охранять свободу лица, и сочетать его интересы съ общими. Только **свободная личность** можетъ воспринимать **мораль** (въ истинномъ смыслѣ этого слова); только она несетъ въ себѣ **творческое начало.** Крѣпкая государственная жизнь покоится на ея силѣ. Мудрость государственнаго дѣятеля заключается въ томъ, чтобы сдѣлалось ненужнымъ самое противопоставленіе личнаго начала общественному, національному.

Соотвѣтственно главному содержанію крестьянской реформы и согласно съ моей спеціальностью, я обращаюсь къ экономической сторонѣ вопроса.

Въ хозяйственной области съ особенной силой и наглядностью проявляется **творческое значеніе личнаго начала:** личная заинтересованность — **залогъ экономическаго процвѣтанія** народа. Главный бой враги современной культуры даютъ ей именно на «экономической линіи».

Если нужны яркія доказательства прямо чудодѣйственной силы проявленія свободнаго личнаго начала въ народно-хозяйственной жизни, ихъ можно обильно почерпать въ русской исторіи послѣ освободительной реформы. Русское народное хозяйство, мощно двинутое нашимъ титаномъ Петромъ Великимъ, къ серединѣ прошлаго вѣка было какъ бы въ оцѣпенѣвшемъ состояніи. Ростъ производительныхъ силъ пріостановился. Ему мѣшали два главныхъ обстоятельства: отсутствіе значительнаго внутренняго рынка (при господствѣ крѣпостного права) и свободной рабочей силы. Масса населенія ограничивалась минимальными потребностями, страна не могла дѣлать значительныхъ сбереженій. Но когда путы были сняты, Россія, классическая «земледѣльческая» страна, стала «индустріализироваться» все ускоряющимся темпомъ. Темпы эти **становятся совершенно изумительными** въ десятилѣтіе передъ міровой войной: воистину, въ этомъ отношеніи Россія не **только догнала** С. А. С. Ш., но и **перегнала.** Отнюдь не желая утомлять васъ цифровымъ матеріаломъ, я вынужденъ все же привести нѣсколько иллюстрацій. Въ серединѣ прошлаго вѣка промышленная производительность выражалась всего 166 м. р. въ годъ, а уже въ 1870 г. — 500 м. р. Конецъ столѣтія даетъ полтора млд., начало XX вѣка — свыше 3,4 млд., а въ 1912 г. — почти 5 3/4 млд.. Производительность рабочаго выросла въ четы-

ре раза. Завѣты Петра, особенно по развитію добывающей промышленности, освобожденная Россія выполняла ревностно. Выплавку чугуна съ 18,5 м. п. въ 60-хъ годахъ, она довела до 223 м, въ 1913 г.. Такъ же обстояло дѣло съ желѣзомъ и сталью. **Съ конца столѣтія** производство металла **учетверилось,** а большевики въ «Правдѣ» (отъ 4 февраля 1936 г.) пишутъ: «Царской Россіи потребовалось для **удвоенія** производства металла чуть ли не **цѣлое** столѣтіе». Что большевики такъ пишутъ, это неудивительно; но примѣчательно, что этотъ наглый вздоръ повторяется многими «именитыми гостями».

Чрезвычайно характерно и знаменательно (въ смыслѣ роста народнаго благосостоянія) развитіе текстильной, особенно хлопчатобумажной индустріи, которая съ 90-хъ годовъ къ 1913 г. также **учетверила** количество перерабатываемаго хлопка.

Вспомнимъ, какъ развивался желѣзнодорожный транспортъ: съ 17.000 верстъ 70-хъ годовъ къ 1915 г. жел.-дор. сѣть поднялась до 64,5 т. верстъ (а со строющимися и мѣстными — до 82.954 в.). Грузооборотъ, дающій представленіе о развитіи торговыхъ оборотовъ, возросъ съ 90-хъ годовъ къ 1913 г. **вътри съ лишнимъ** раза. Обороты внѣшней торговли съ 70-хъ г. къ 1913 г. поднялись въ **пять** съ лишнимъ разъ.

И это развитіе не шло въ ущербъ интересамъ многомилліонной сѣрой массы; не на ея костяхъ, какъ у большевиковъ, свершались «достиженія». За нѣкоторыми краткими перерывами неуклонно возрастало потребленіе на душу хлѣба, жировъ, сахару, яицъ, тканей и т. д.. «Убогая» Россія къ 1914 г. имѣла въ народныхъ сберегательныхъ кассахъ подлинныхъ(а не принудительныхъ) сбереженій (въ **полноцѣнныхъ золотыхъ** рубляхъ) — свыше **2 милліардовъ.** Иностранные капиталы широкой волной вливались въ Россію; но она располагала уже и собственнымъ денежнымъ рынкомъ.

Развязанный русскій великанъ сталъ расправлять свое могучее тѣло.

Такіе успѣхи возможны были только на почвѣ, расчищенной освободительной реформой Императора Александра II-го; для ихъ достиженія не нужны были никакіе «пятилѣтніе планы».

Теперь перелистаемъ залитыя кровью страницы русской исторіи и посмотримъ, что онѣ вписали въ книгу бытія русскаго народа.

Послѣ перваго угара грабежей и передѣловъ, крестьянская масса стала испытывать систематически проводимое давленіе совѣтской власти, которая на мужицкихъ плечахъ приступила къ выполненію своего «соціалистическаго строительства». Повсемѣстныя крестьянскія возстанія временно ослабили гнетъ; но когда деревня стала нѣсколько оправляться, Сталинъ предпринялъ новый рѣшительный походъ противъ нея. Началась принудительная коллективизація крестьянства. Пролилось море крови, погибли милліоны людей, уничтожена была неслыханная масса хозяйственныхъ благъ.

Сталинъ побѣдилъ — и въ нашей странѣ, еще не успѣвшей освоить всѣхъ благъ реформы Царя-Освободителя, вновь водворилась

крѣпостная зависимость, по своей жестокости и безъисходности скорѣе долженствующая именоваться **рабствомъ.** По знаменитому Уставу о с.-х. артеляхъ (наиболѣе распространенной формѣ коллективизаціи) — крестьянская деревня цѣликомъ въ рукахъ «бригадировъ» — приказчиковъ совѣтской власти; крестьяне низведены на положеніе батраковъ, сдѣльно работающихъ и не увѣренныхъ въ полученіи заработка. «Правленіе», т. е. тѣ же приказчики — могутъ ими распоряжаться, замѣняя «барщину» «оброкомъ» при посылкѣ въ «отходъ». Сколько подлинныхъ «землеробовъ» погибло въ каменноугольныхъ шахтахъ Донецкаго бассейна, когда ихъ туда погнали изъ за недостатка рабочихъ рукъ! А когда лишенные всякаго интереса къ веденію хозяйства крестьяне на Украинѣ, С. Кавказѣ и Поволжьи стали оказывать власти **пассивное** сопротивленіе, она ихъ «проучила» страшнымъ голодомъ зимой и весной 32-33 г., унесшимъ до 5-6 милліоновъ жизней.

Масса рабочихъ оказалась также прикрѣпленной къ своимъ заведеніямъ: самовольный уходъ грозитъ голодной смертью.

Населеніе **внѣшне** смирилось и съ отчаяніемъ въ сердцѣ стало влечь «соціалистическую колесницу». Смыслъ свершившагося ему, однако, понятенъ: по свидѣтельству иностранцевъ, иниціалы Всесоюзной Коммунистической партіи — В. К. П. — объясняются въ народѣ, какъ иниціалы новаго уклада — «Второе Крѣпостное Право».

Будемъ всетаки объективны даже по отношенію и къ совѣтской власти: она **не могла не возстановить рабства**, разъ задалась цѣлью «планировать хозяйство». Въ планѣ, проводимомъ сверху донизу, нѣтъ мѣста для свободной хозяйственной иниціативы, нѣтъ лица; есть исполнители, винтики въ грандіозной машинѣ. Отсутствіе свободы въ хозяйственной дѣятельности неумолимо влечетъ порабощеніе и всѣхъ другихъ проявленій индивидуальной жизни, наипаче — угашеніе духа.

Всѣ матеріальныя успѣхи, достигнутые при такомъ укладѣ жизни, **счастья** народу дать не могутъ. Мало того, власть не допуститъ массы до преуспѣянія, дабы въ ней не зародился «вольный духъ».

Власть будетъ стараться только поощрять разными подачками образованіе «выдвиженцевъ», ударниковъ», «стахановцевъ» и т. п. вѣрныхъ ей приказчиковъ. **Безобразный Молохъ** соціализма силою **вещей превращается въ самую отвратительную форму эксплоататорскаго хозяйства**, по типу колоніальныхъ факторій. Это и имѣетъ мѣсто сейчасъ въ СССР.

Итакъ, **Царская власть освободила русскаго крестьянина, совѣтская — закрѣпостила.** Возрожденная Россія, преодолѣвъ коммунистическое рабство, двинется дорогой, которая была указана Царемъ-Освободителемъ. Жизненное значеніе освободительной реформы для Россіи — **несомнѣнно.** Уже теперь, подъ напоромъ народной стихіи и подъ угрозой внѣшнихъ осложненій, большевики дѣлаютъ частичныя уступки «единоличному началу» (пріусадебныя земли и нѣкоторое количество скота — въ личное пользованіе колхозниковъ).

Въ густомъ туманѣ безвременья великое дѣяніе русскаго Императора свѣтитъ не только Россіи. Божій Промыселъ опредѣлилъ ей своимъ «опытомъ» научить и другіе народы. На небольшомъ протяженіи времени наша родина пережила двѣ революціи: одну мирную — къ свободѣ и общему преуспѣянію, другую кровавую — къ рабству, нищетѣ и къ голодной смерти.

Если «европейская цивилизація» не съумѣетъ понять этихъ историческихъ «уроковъ», ее ждетъ безславная гибель.

Я сказалъ выше, что судьба цивилизаціи поставлена на карту. Глубокіе истоки современнаго кризиса заключаются въ томъ, что культура перестала быть «истинной», требующей **гармоническаго развитія** всѣхъ ея сторонъ. Міръ былъ упоенъ матеріальными успѣхами и пренебрегъ моральными, духовными цѣнностями. Лишенное нравственнаго стержня общество стало распадаться. Политическіе пигмеи суетятся, стараются наспѣхъ сшивать расползающіяся одежды; но пока скрѣпляютъ въ одномъ мѣстѣ, ткань рвется въ другомъ. Смертельная тревога всѣхъ охватываетъ.

Дабы дать отпоръ наглѣющему коммунизму, строятся разныя теоріи «организованнаго», «управляемаго», «контролируемаго» и т. п. хозяйства. Имѣются извѣстные вамъ смѣлые опыты ихъ осуществленія.

Нѣтъ никакого спора, что государственная власть, въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ обстоятельствъ, должна осуществлять свою направляющую и контролирующую роль. Вопросъ только въ томъ, **какая власть?** Для общаго признанія ея роли необходимо, чтобы она была **надъ классами, надъ партіями.** Только такая власть способна благодѣтельно выполнить присущія государству функціи. Недаромъ въ тяжкіе историческіе моменты мечтаютъ о національныхъ диктаторахъ; и вовсе не случайность, что, казалось бы, осужденный исторіей институтъ монархіи вновь выдвигается — и въ общественномъ сознаніи, и въ политической дѣйствительности.

Люди XX вѣка, для упорядоченія своего общежитія, ищутъ надклассовой власти. Русская исторія въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія показала, до какихъ высотъ можетъ подниматься **независимая отъ классовъ верховная власть.**

Императоръ Александръ II болѣе, чѣмъ другіе государи, осуществилъ заповѣданную Лор. ф. Штейномъ «монархію Соціальныхъ Реформъ».

Но — вопреки утвержденію Штейна, что такая монархія «самая крѣпкая», Царь-Освободитель кровью своею запечатлѣлъ свой историческій подвигъ.

Зло не смогло стерпѣть побѣды Добра. Трагическая мистерія, именуемая человѣческой исторіей, знаетъ такіе кошмары.

Около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, безумная чернь Іерусалима, на вопросъ Пилата, кого отпустить на свободу, Христа или Варавву, потребовала разбойника Варавву. Онъ былъ отпущенъ,

Христосъ — распятъ. И съ тѣхъ поръ — Варавва въ разныхъ обличьяхъ — ходитъ и понынѣ по лицу земли. Сейчасъ онъ воцарился въ нашей несчастной Родинѣ. Придутъ сроки, Варавва будетъ изгнанъ изъ Россіи, и она всей своей большой душой обратится къ свѣтлому образу Царя-Освободителя, провозгласитъ Ему «Вѣчную память» и воздастъ Ему «Славу».

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

Imp. « **Coopérative Etoile** », 18 et 20, Faub. du Temple, Paris (XIe)

2020195237